

Алексей НИКОЛАЕВ

ДУХ

Философия духа

(1-я редакция)

Фактологическое предуведомление №3

СПИРИДОНИАДА

*Логический анализ спиритических диалогов
Александра Аксакова с неким Спиридоном*

Диалоги X-XXIV¹

Диалог X. «ВЫ НЕ ПЕШКИ, ГОСПОДА»

67-е сидение, 21.04.1882

Снова началось с чепухи. Тотчас бросили и азбуку отложили. Вскоре она была вновь потребована, и стали складываться какие-то шарады посредством букв и счета их, занявшие целую страницу.

Аксаков: Наверное, Спиридон чудит. Только время теряете, а у меня заготовлены вопросы!

Спиридон: Спрашивайте, чего тут!

Аксаков: Значит, можно допустить (я по вашим словам), что эти сферы вроде поясов около планет?

Спиридон: Пустяковина эти самые пояса. Духовный мир — в телесном без всяких поясов. Говорил же я, что наш брат может поселиться и на земле; таких много, не все бездельники. Живут и на других планетах. Есть и невидимые для вас, называйте, пожалуй, хоть духовными, спорить, прекословить не буду.

Аксаков: Значит, могут поселиться тут или там, но все же определенное местонахождение?

Спиридон: Само собой.

Аксаков: И эти миры имеют свое определенное устройство и свои определенные законы?

Спиридон: Так неопределенно это самое определенное устройство и определенные законы, что, безусловно, согласен¹.

Аксаков: Ну, так сами скажите определеннее.

Спиридон: Ишь, можно бы, да вам согласиться-то будет трудненько, вы дальше таких определенностей-то не ушли.

Аксаков: Можете ли влиять на мысли и дела? Дать совет, руководить?

Спиридон: Это ваше т.н.* (*так называемое) интуитивное воздействие, скажу, раз — прямое воздействие дело вообще мудреное и сложное; два — оно только возможно при полном почти сродстве душ, *тире*, большая редкость; три — да и тут что опять это самое прямое воздействие? Уж эти мне дурацкие слова. Ведь вы не пешки, господа. Воздействовать-то на вас можно, только косвенно. Разве будете в бессмысленном состоянии, ну, тогда лафа, делай, пожалуй, с чурбаном что знаешь. Но опять такие действия ему самому не впрок. Пять — позвольте, четыре — зарпортовался; итак, буду

¹ «Спиридоноада» продолжает книгу «Дух», публикуемую начиная с №8 «Невского проспекта», и содержит 24 диалога с разбивкой по двум номерам: NN10-11 НП.

лучше прямо отвечать на вопрос — можно ли руководить? Можно, только осторожно, т.е. редко и лишь отчасти. Я могу чувствовать родную душу, могу желать ей добра, могу что в моих силах ей передать, облегчить. Но, и сто раз но, что порукою, что это дойдет до сознания, кондиция сине ква нон* (**conditio sine qua non: необходимое условие*), ваших вменяемых поступков. Да, наконец, ну и дойдет, а там своя работа, пожалуй, забракует. Уж очень родственник попадет, так ладно, а такому советовать мало приходится, только, грешным делом, любуешься да поддакиваешь. Прошу покорно понимать, дело не больно хитрое, только вникнуть, оно и просветится.

Аксаков: Что значит «грешным делом»?

Спиридон: Да очень просто, мы-то все здесь твари, и знаем, что не боги.

Перечитываю этот ответ и спрашиваю: «Нет ли ошибок?» — поправляет:

Спиридон: «Все» пишете — все; «твари» — лучше вон.

Аксаков: Принимаете ли участие в судьбах планеты, народов²?

Спиридон: В пределах сказанного никому не возбраняется сколько может нос со-
вать.

Аксаков: Какой веселый наш Спиридон!

Спиридон: Еще бы с вами не весело, почти до слез!

Аксаков: Помните ли ясно все земное — людей, занятия, места?

Спиридон: Результаты и итоги с поразительной ясностью, подробности с каждым днем туманнее³, впрочем, так и у вас в малых размерах.

Аксаков: Но я спрашиваю именно о людях и вещах?

Спиридон: Странное дело, все в мире получает итог, будь он нравственный, либо умственный, даже физический, о котором тут, конечно, речи быть не может, напр., лучшее зрение, слух, вкус, быстрее ноги, или наоборот, тоже итог.

Аксаков: Почему же и «речи быть не может?»

Спиридон: Потому, что эта речь связана с вашей физической конструкцией — я не могу получить сюрприз в виде физических улучшенных или ослабленных глаз, за неимением их⁴.

Аксаков: Повторяю свой вопрос: мать помнит ли своих покинутых детей, брат — сестру, муж — жену, детей?

Спиридон: Странно, как вы понимаете опять слово помнить. Разве с воспоминанием у вас не связывается результат? Думаю, да, если вы сами и не согласны. Даже, положим, у вас был брат, положим, вы его любили, так или сяк, стало быть, вы во всяком случае ползали по этой лестнице; ну, вот его больше нет, скажем, перед вами. Раз — воспоминание о нравственной личности, к которой вы и подводите итоги с каждым днем; вернее, два — в вас самих результат нравственных отношений к нему с каждым днем яснее. Так-то, батенька.

Аксаков: Все это понятно, но чтобы подводить итоги нравственных отношений, необходимо ясное представление о лице, около которого и группируешь...

Спиридон: Вот тут-то и заблуждение, вы ровно ничего не группируете; напротив, в вас группируется то, что я назвал результатом. Вот где сходство между нами.

Аксаков: Позвольте; вы говорите по-русски, с каждым словом необходимо соединяется представление о предмете земном, вещественном; значит, помните его?

Спиридон: А где же, собственно, я отговаривался запечатыванием или где же я утверждал, что ничего не помню? Это было бы для меня, скажу, именно физически невозможно, пока на вас смотрю.

Аксаков: Так что же вы все говорите о нравственных итогах и пр.?

Спиридон: Все забываю, что вы все блох ловите. Право, не думал, что вы говорите про память в тесном смысле слова. Мог бы давно утешить, что эта память, смотря по ее силе, очень медленно сглаживается и, наконец, совсем отпадает. Благодарю, не ожидал. Вот я и говорил вам сначала о том, что остается навсегда⁵ и что важнее. Люблю говорить об этом преимущественно, а с вами, пожалуй, и исключительно. О занятиях, напр., подумайте сами, увидите справедливость сказанного. Познаете, что забываешь и как и что остается. Во всем схоже.

Схолии к диалогу X

Схолия 1. «Так неопределенно это самое определенное устройство и определенные законы, что, безусловно, согласен», — еще один блестящий экспромт в галерею перлов спиридониианской каламбуристики, примененный для очередного ухода от ответа на вопрос об устройстве духовного мира. «Ну, так сами скажите определеннее», — уже готов отступить Аксаков, предвидя, что опять толку не добиться — извернется ужом, хитрец, да еще и аргументирует свою изворотливость тупостью людей, что тот и сделал: «Вы дальше таких определенностей-то не услышите». Аксаков махнул рукой в душе и сменил вопрос.

Схолия 2. «Принимаете ли участие в судьбах планеты, народов?» — спросил Аксаков и получил в ответ, естественно, каламбур в лучшем спиридониианском стиле: «Никому не возбраняется сколько может нос совать». «Какой веселый наш Спиридон!» — воскликнул Аксаков и, вероятно, рассмеялся, о чем, однако, стенограмма умалчивает. Потусторонний каламбурист был весельчак с язвинкой и не преминул съязвить: «Еще бы с вами не весело, почти до слез!» По таким фрагментам можно судить, сколь далеко юморящей Алисе до юморящего Спиридона, если тот не есть наш брат по разуму, а есть собрат компьютерной Алисы как живой робот-автоответчик.

Схолия 3. «Подробности с каждым днем туманнее», — рассуждения Спиридона о том, как он помнит свою земную жизнь, были бы куда интересней с биографическими деталями, но Спиридон стойко хранит полное инкогнито. И если Спиридон утаивает биографию потому, что ее просто нет, то он есть обманщик или нечто обманное, ибо тогда Спиридон не есть «экс-человек» и, представляясь «экс-человеком», проделывает обман, непонятно откуда и с какой целью идущий. А если Спиридон утаивает биографию не потому, что ее нет, то почему? Есть ли она вообще, земная биография, у Спиридона? Если она есть, то есть и сам ее обладатель доподлинно и без кавычек: экс-человек Спиридон. Засим весьма резонно Аксаков добивался от Спиридона биографических данных, хотя знал, что Спиридон мог правдоподобно наврать в стиле шпионской легенды.

Схолия 4. «За неимением их» («физических глаз») — это есть одно из буквальных, прямых свидетельств Спиридона о том, что его природная способность видеть какие-либо предметы в мировом пространстве обеспечена не физическим органом зрения вроде глаз и представляет собой то, что зовется духовным зрением. Напомним, что в диалоге IV (см. схолию 5 к диалогу IV) Спиридон на вопрос Аксакова, телесный ли у него орган зрения, отвечает абсурдным образом: «Конечно». А Аксаков почему-то пропустил мимо ушей этокое недоразумение.

Схолия 5. «О том, что остается навсегда», рассудил Спиридон, согласитесь, весьма умно и человечно, но Аксаков, разбирая диктовку, кажется, скучает, не зная, как вытащить из этого ужа вместо скользких каламбурных рассуждений, рассуждений, рассуждений — факты, факты, факты.

Диалог XI. «ХОТЕЛ БЫ УМЕРЕТЬ»

68-е сидение, 28.04.1882

После обычных наклонов стола потребована азбука, и сложилось:

Спиридон: Воррейморир, — тут зажгли свечу, и сложилось еще: — Будет с вас.

По орфографии узнали Спиридона. Ни один из медиумов не понял, что сложилось, приняли за чепуху. Записывал я, в стороне, и заявил, что это написано совершенно правильно по-итальянски: «vogtei morir» — и значит: хотел бы умереть. Позднее я случайно узнал, что это начальные слова очень известного итальянского романса.

Аксаков: Скажите, пожалуйста, для чего вы тратите время на такие пустяки? В первый раз заговорили о балаганах, потом опять начали с какого-то вздора, намеренно долго держали нас на каких-то шарадах из букв. Ужели это может представлять для вас или для нас интерес какой?

Спиридон: Оно могло бы вас интересовать, а меня, действительно, мало.

Аксаков: Можете ли пояснить, как или чем складывались буквы, когда выходила чепуха вот два раза перед вами? Был кто и исчез?

Спиридон: Возможно.

Аксаков: Или то была наша бессознательная работа?

Спиридон: Пожалуй, тоже¹.

Аксаков: Так и теперь, быть может, все это сами производим, а не Спиридон? Что скажете?

Спиридон: То самое, что я имел честь докладывать вам при ваших рассуждениях о доказательности. Косвенное соображение: слишком большую роль случайным совпадениям приходится уделять.

Аксаков: То есть если видеть в этом одну нашу работу?

Спиридон: Да.

Аксаков: Вы сказали намеренно: «за неимением глаз», а перед этими говорили, что имеете орган зрения?

Спиридон: Так ведь другой, батенька², это само собой разумеется.

Аксаков: По поводу вашего зрения рождаются недоумения и вопросы. Вы говорили, что «сами видите», не нуждается в чужих глазах* (*см. диалог IV); но опыт с азбукой, даже при открытых глазах одного из медиумов, не удался* (*см. диалог VII). Вот

это ваше независимое зрение крайне желательно проверить. Позвольте предложить такой опыт: я возьму из кошелька несколько монет, не считая их, и положу, напр., позади стула одного из медуумов; таким образом, никто не будет знать их числа; можете вы указать это число?

Спиридон: Завяжите им глаза, попробую.

Аксаков: Что именно, буквы или монеты?

Спиридон: Показывать буквы.

Завязал глаза медуумов, стал следить за движениями дощечки по азбуке, и записывать; сложилось:

Спиридон: Говори что нибтд бтгторвычаеь, довольно с вас, можно и лучше, что вам и говорил жаране.

Аксаков: Сначала и под конец у вас шло совсем хорошо, так не можете ли поправить? Третье слово, очевидно, *нибудь*. А потом?

Дощечка тронулась.

Спиридон: бтду.

Аксаков: Очевидно, *буду*. Далее...

Спиридон: Отвелась.

Когда я прочел вслух, было указано на «ч».

Аксаков: Значит, «*отвечать*»?

Спиридон: Да.

Случая, можно ясно проследить, что и прежде складывались те же самые слова: «буду отвечать», но неудачно³. Снимаю повязку с глаз медуумов.

Аксаков: Это уже весьма удовлетворительно, но надо поставить опыт так, чтоб никто из нас не видел предмета опыта. Поэтому возвращаюсь к монетам за стулом. Можете видеть их?

Спиридон: Труднее.

Кладу монеты, не глядя и не считая, за стул одного из медуумов.

Спиридон: Семь.

Аксаков: Неверно. Попробуем опять.

Спиридон: Девять.

Аксаков: Опять не так. Еще раз.

Спиридон: Пять.

Аксаков: Плохо! Почему такая неудача? Буквы на столе видите, а монеты на стуле не видите!

Спиридон: Пространство между ними более всего в распоряжении моем. Завяжите глаза и положите ваши деньги на этот стол.

Завязываю медуумам глаза широкой повязкой, захватывающей и нос; повязка эта была, понятно, не против обмана со стороны медуумов, а против случайного, невольного открытия глаз. Закрывши свои глаза, вынимаю из кошелька наудачу несколько монет и кладу их ощупью, не считая, на дальний край картона, на котором была наклеена азбука. Закрываю себе глаза рукою так, чтобы видеть только азбуку, и начинаю следить. Складывается: «шдь». И опять: «шдр»... Попытки сложить слово правильно, очевидно, не удавались. Тогда, не глядя на монеты, я прикрыл их брошюрой, и мы все открыли глаза.

Аксаков: Укажите теперь.

Спиридон: Шесть.

Я отнял брошюру: «Шесть», — вскрикнули мы в один голос. Но потом оказалось, что было семь, так как два гривенника лежали друг на друге; я клал монеты сразу, чтобы при этом невольно не сосчитать их, так что ошибка необходимо вытекала из самого расположения монет.

Повторили опыт. Завязал медуумам глаза. Точно так же, не глядя, я взял и положил на стол несколько монет.

Спиридон: Разложите лучше.

Провожу по монетам ребром ладони, чтобы друг на друге не лежали.

Спиридон: Опять шесть.

Смотрим — верно! «Повторим еще». Диктуется при открытых глазах:

Спиридон: На лист белой бумаги положите⁴.

Опять завязываю медуумам глаза, кладу бумагу и монеты на нее.

Аксаков: Хорошо разложил?

Спиридон: Хорошо. Семь.

Смотрим с возрастающим любопытством.

Аксаков: Bravo, верно!

Спиридон: Положите часы.

Беру с моего стола стоящие часы с будильником я ставлю их, спинкой ко всем нам, на столик, за которым сидели медуумы.

Спиридон: Хотел карманные. Положите их горизонтально. *Догадываюсь из этого, что их надо положить стрелками вверх; поэтому опять завязываю медиумам глаза и кладу часы горизонтально, не глядя, разумеется. Проходит четверть минуты. Дощечка тронулась, записываю:*

Спиридон: Без пяти шесть.

Смотрим — верно и неверно. Стрелка будильника показывала шесть, а минутная и часовая на том же циферблате были на одиннадцати, и вышло как будто без пяти шесть.

Аксаков: Попробуем теперь карманные, как вы хотели.

Спиридон: Положите на бумагу.

Повторяется та же процедура, я кладу часы свои, не глядя. Четверть минуты проходит, и складывается:

Спиридон: Четыре минуты двенадцатого.

Смотрим: пять минут двенадцатого.

Аксаков: Значит, когда вы смотрели, было четыре минуты, одна минута ушла на складывание?

Спиридон: Да. Положите деньги, мелочь, сосчитаю. Будет финал, я утомлен.

Завязываю медиумам глаза, кладу несколько серебряной мелочи, не глядя.

Спиридон: Рубль серебра.

Смотрим — верно! Было четыре пятиалтынных, один двугривенный и два гривенника.

Аксаков: Как было сложено, — переспросил я у медиумов, — серебром или серебром? — и тотчас указка сложила:

Спиридон: Конечно не серебром, было бы неверно⁵.

Было еще только 11 часов.

Аксаков: Нельзя ли вас помучить еще с четверть часа?

Спиридон: Валяйте.

Аксаков: Вы говорили намедни, что ваши живут и у нас на земле? Как же это — бок о бок, что ли? Ведают и видят они нас или нет? Или совместное зрение, проникновенное нашего вещества?

Спиридон: Пустые дома, уединенные места, смотря по свойству, иногда даже жили.

Аксаков: А иногда a la belle etoile* (*под звездами: под открытым небом)?

Спиридон: Да.

Аксаков: Оттуда, значит, и рассказы о стуках, шалостях, привидениях⁶ и пр. в некоторых местах?

Спиридон: Еще бы, насколько это не простое вранье.

Аксаков: Вы говорили о памяти земного, что понемногу сглаживается, пропадает...

Спиридон: Именно.

Аксаков: Но как же встретиться? Все утешение во встрече с отшедшими. А после долгой разлуки, пожалуй, уже и не узнаешь?

Спиридон: У, это, б.м.* (*батенька мой), вопрос, я вам скажу! Кто с кем, тут дело все в истинном значении отношений разлучившихся. Есть, напр., браки поистине вечные⁷. Есть связи дружбы, уважения неразрывные. Есть, наконец, такие, которым лучше бы никогда не связываться.

Аксаков: Но я говорю о хороших, дружеских...

Спиридон: В хорошем-то и дело — увидите всех тех, с которыми духовно связаны: если время разлуки очень велико, то сильные чувства единения могут выдержать напор и действие времени.

Аксаков: Но как же узнать? Сохраняется ли прежний наружный облик?

Спиридон: Не, не, не, по внутреннему.

Аксаков: Но образ же есть?

Спиридон: Представьте себе образ иной и у вас, и у того, кого встречаете, а все-таки узнаете сейчас.

Аксаков: Но каждый индивидуум имеет свой отличный от другого внешний образ, по которому также узнаете друг друга, т.е. не по одному внутреннему?

Спиридон: Да. До свиданья.

Аксаков: Прошу пожаловать еще следующую среду, так как я отъезд свой отложил до четверга.

Спиридон: Знаю⁸.

Схолии к диалогу XI

Схолия 1. «Пожалуй, тоже», — Спиридон подтверждает определение, гласящее: **Спиритическая диктовка есть, с одной стороны, результат стороннего (читай: потустороннего) действия некоего нечеловеческого разума, а с дру-**

гой стороны, результат работы человеческого разума, проделываемой под сторонним (потусторонним) влиянием в душе медиума за порогом сознания, то есть проделываемой бессознательным (несознаваемым) образом, независимо от того, находится медиум в сознании или в трансе.

Медиумы, выступающие трансляторами диктовки в состоянии транса, называются трансовыми медиумами. Знаменитейший в истории спиритизма пример трансовой диктовки явила Леонора Пайпер. А медиумы Аксакова, коих, казалось бы, и близко не поставишь с Пайпер по медиумическим способностям, никогда не впадали в транс и транслировали диктовку в сознательном состоянии, однако факт диктовки одинаково несомненен и теоретически ценен и в случае прославленной Леоноры Пайпер, и в случае безвестных аксаковских медиумов, достойных «пайперской славы», ибо через них осуществилась шикарная Спиридоиада, дающая теоретический материал в стенограммах Аксакова не хуже стенограмм Ходжсона, сделавшего ими мировое имя Леоноре Пайпер.

С немалой долей уверенности можно умозаключить, что спиритическая диктовка (как природное явление, отделенное от всяких фокуснических и шизофренических причуд) производится под неким внедушевым (потусторонним) воздействием в душе человеческой за порогом сознания, где мышление человека, будь он в сознании или нет, осуществляется бессознательно и в числе всех своих таинственных причин может иметь причиной то, что находится вне души человека как разумный источник спиритической диктовки, имеющий обыкновение прямым текстом, надиктованным буквами за буквой, представляться потусторонним субъектом, как, в частности, Спиридон.

Ложно или неложно (в чем и загадка), но документально под протокол Спиридон свидетельствует, что он есть посторонний и потусторонний субъект по отношению к медиумам, транслирующим спиридоианскую диктовку, но на вопрос Аксакова: «Или то наша бессознательная работа?» — отвечает: «Пожалуй, тоже». Это логично, ибо: диктовка производится Спиридоном прямо в душах аксаковских медиумов за порогом сознания как бессознательное мышление, осуществляющееся под воздействием Спиридона не где-то вне медиумов, а в них самих, так что и сами медиумы могут бессознательно участвовать в производстве диктовки в некоторой мере.

Имеется в виду участие медиумов в диктовке не только в качестве пассивных проводников стороннего (потустороннего) мышления, но и в качестве бессознательных соавторов диктовки, вносящих втайне от самих себя, как во сне и в трансе (хотя они не находятся в состоянии сна или транса), некоторую свою лепту в смысловое, информационное, стилистическое и какое там еще содержание диктовки.

С возрастанием этой некоторой лепты бессознательного участия человека в производстве спиритической диктовки она теряет самоидентичность и перестает быть спиритическим феноменом, приобретая качество собственного бессознательного мышления человека, будь то здравая речь и будь то всякий вздор и бред, рождающийся за порогом сознания по каким угодно причинам, кроме спиритических.

И наоборот: чем меньше сам человек как отдельный мыслящий субъект со своим личным мыслящим «я», то есть как личность, является причиной (читай: источником) спиритической диктовки, тем больше доля потусторонней причинности, независимо от того, насколько разумно и логично выглядит результат, будь то лучшие пассажи Спиридоиады и будь то отъявленный бред, больше похожий на сумасшествие, чем на спиритизм.

Шизофренический бред и трансовый бред — это принципиально разные душевные явления, одинаковые чисто формально именно как бред, но различающиеся на корню по производящим причинам.

Природное явление, называемое спиритической диктовкой и образцово-показательно продемонстрированное в Спиридоиаде, самоидентично и вообще возможно как стороннее (потустороннее: нечеловеческое) мыслительное действие (мышление), транслируемое через человека в нем самом, в человеке, а точнее, в мыслящей душе человека, но производимое не самим человеком и не душой его собственной, ибо душа его и он сам в душе своей выступает транслятором: проводником: посредником: медиумом.

Это все равно что сказать: спиритическая диктовка производится в мыслящей душе человека помимо человека (то есть не им самим) и осуществляется в душе не как собственное мышление души и ее обладателя (человека), а как чье-то чужое, стороннее (потустороннее) мышление, идущее через душу (транслируемое душой) из внедушевного источника.

Вам ничего это не напоминает? Это напоминает механизм творческого мышления, работающий как реализация творческих идей с результатом в виде плодов творчества, таких как произведение изящной словесности, например. Источник истинно творческих идей (а не псевдотворческих) абсолютен, и сами они суть абсолютная истина,

упакованная в идею как логический образ (см. §21 «Идея» книги «Бог»), поэтому от гениальных литераторов, как, впрочем, и от заправских графоманов, не в меру самонадеянных, можно услышать, что идея им пришла свыше и осуществилась сама собой через них автоматическим или полуавтоматическим образом, как будто рукой гениального автора водит сторонняя (потусторонняя) разумная сила, и если производящий источник этой силы не сам бог как абсолютный разум и творец, тогда — то, что, с позволения, условно назовем здесь **программой творения** и поясним термин позже.

Спиритическая диктовка имеет разновидности, в чьем числе сложился в эпоху расцвета спиритизма и процветает поныне литературный жанр автоматического письма, представленный всякими сочинениями, написанными будто бы под диктовку духов, которая записывается медиумом пером на бумаге без помощи спиритической дощечки с алфавитом. Автоматическое письмо строчит сама рука медиума, а не указка, бегающая по алфавиту под рукой медиума, однако — сама-де рука строчит только с виду, а по сути будто бы не сама: якобы это духи водят рукой, как утверждают авторы этого жанра. Только вот шедевры в этом жанре, если вообще попадают, то гораздо реже, чем в жанрах обычной литературы, ведь тут шедевры, может статься, диктует сам бог, а там — какие-то непонятные духи, в большинстве своем, как заглянешь в анналы спиритизма, не отличающиеся большим умом и сплошь сомнительные как самостоятельные мыслящие субъекты.

Схолия 2. «Так ведь другой, батенька» — Спиридон еще раз без обиняков свидетельствует, что у него другой орган зрения, не такой, как у нас, не физический, и тем самым, будем считать, Спиридон сам устраняет вопиющее недоразумение, отмеченное схолией 5 к диалогу IV. Аксаков не преминул протестировать духовное зрение Спиридона интересным экспериментом, призванным показать, что Спиридон может видеть физические предметы при закрытых глазах медиумов, то есть не глазами медиумов, а неким собственным зрением.

Схолия 3. «Прежде складывались те же самые слова: *буду отвечать*, но неудачно» — сравните букву за буквой: «бтгторвычаеь». Эта абракадабра составила из-за того, что, во-первых, Спиридон вместо буквы «у» указывает букву «т», во-вторых, вместо буквы «д» — букву «г», в-третьих, опять вместо «у» — «т». Это прелюбопытная ошибка, ибо: перепутанные Спиридоном буквы «т» и «у» стоят рядышком в алфавите, как и буквы «г» и «д». Затем вместо «т» ошибочно указана буква «р», а она стоит через одну в алфавите («р», «с», «т»). И еще две буквы перепутаны, но они стоят не рядом в алфавите, если алфавит застроен в один ряд, а если в несколько рядов, как на клавиатуре компьютера и на спиритической дощечке, то и те две перепутанные буквы могут оказаться рядом друг над дружкой. И получается, что Спиридон тычет указкой немножко неточно, не каждый раз попадая точно в букву, а попадая через раз в соседнюю букву, как будто буквы мельтешат и наплывают друг на дружку у него в поле зрения.

Эта ошибочная диктовка зафиксирована Аксаковым при закрытых глазах медиумов и носит системный характер как повторение одинаковой ошибки, а при открытых глазах медиумов Спиридон никогда не допускает таких ошибок, следовательно, собственное зрение Спиридона работает в комнате сеанса в сочетании с физическим зрением медиумов и улучшается этим сочетанием, ухудшаясь при закрытых глазах медиумов.

Когда глаза медиумов открыты, Спиридон воздействует на трансляторов спиритического мышления, то есть на медиумов, так, что происходят точные движения указки с точным попаданием в нужные буквы, складывающиеся в разумную речь без абракадабры, а при закрытых глазах возникает эффект нарушенной координации движений, а именно движений указкой.

Повторим лишний раз для пользы дела, что давно и вполне убедительно посредством блестящих экспериментов (см. упоминавшийся основательный труд Роша «Экстериоризация двигательной способности») доказан тот факт, что наблюдаемые на спиритических сеансах самопроизвольные по виду перемещения физических предметов, столов, стульев, музыкальных инструментов и алфавитных указок, производятся, как правило, духом медиума, экстериорирующимся (выходящим) из тела медиума, о чем столь же пронизательный, сколь наблюдательный Охорович, участник знаменитых экспериментов с Эвсанией Палладино, пронизательно выразился в таких выражениях (пр процитируем еще раз сей теоретически важный экспериментальный вывод): *«Гипотеза «флюидического двойника», или астрального тела, каковой двойник выделяется из тела медиума, является необходимым для объяснения большей части спиритических явлений. Согласно такому пониманию, движения предметов без прикосновения производятся флюидическими членами медиума».*

Антиспириты во главе с Гартманом кричали на всю ивановскую (Европу), что указкой движет по алфавиту сам медиум, и они попали бы не пальцем в небо, а в точку, как

Спиридон в букву, кабы у них хватило ума, во-первых, уточнить, что медиум движет указкой нефизическим образом, то есть указкой движет если и рука медиума, то не та физическая рука, которая является частью физического тела медиума, а та спиритическая рука, которая является частью духовного тела медиума и экстериоризируется (выходит вовне) из физического тела медиума, производя силовые действия в виде самопроизвольного по виду перемещения предметов в помещении сеанса.

Во-вторых, невидимая спиритическая рука движет указкой по алфавиту не по воле медиума, а исподволь под сторонним (потусторонним) воздействием, производимым в данном случае Спиридоном на аксаковских медиумов. А это все равно что сказать, что Спиридон управляет духовным телом (духом) медиумов в той мере, в какой надо для движения указки по алфавиту, и управляет с такой же легкостью и точностью, как если бы они по собственной воле перемещали указку своими физическими руками. Но: это при открытых глазах медиумов.

А при закрытых глазах медиумов нарушалась координация движений указкой, что похоже на то, как у любого из нас нарушается координация движений, когда мы что-то делаем при закрытых глазах на ощупь или по памяти.

Схолия 4. «На лист белой бумаги положите» монеты — Спиридон участвует в эксперименте как потусторонний наблюдатель, который находится в комнате сеанса и прямо в ней отслеживает действия экспериментатора, обсуждая с ним происходящее как то, что оба видят, осмысливают, оценивают, обсуждают и — нотабене — сознают. Для нас, людей, осмысленно наблюдать события и принимать участие в них, здраво и живо обсуждая их с другими участниками, — это все равно что сознавать происходящее, пребывая в сознании, но не вне сознания. Сомнамбула ведет себя иначе.

Спиридон ведет себя в эксперименте как самосознательный субъект, пребывающий в сознании и сознающий вершащийся эксперимент так же хорошо, как экспериментатор (Аксаков). Если Спиридон есть какая-то сомнамбула, хитро запрограммированная под имитацию сознательного поведения, то эта имитация близка до неотличимости к реальному сознательному поведению, хорошо знакомому каждому из нас по себе, и потому каждый человек, читающий Спиридониаду, может оценить методом простого сопоставления, насколько собеседник Аксакова похож на самосознательного субъекта. Оцените сами, насколько именно и что логически следует из вашей же оценки.

Схолия 5. «Конечно не серебром, было бы неверно», — вот еще как хорошо Спиридон знает русский язык формата 19-го века: рубль серебром — это в дореволюционной России серебряный рубль одной монетой, а рубль серебра — несколько серебряных монет, составляющих рубль. Обнаруживая знание этой языковой разницы, Спиридон как будто даже обиделся, словно Аксаков чуть ли не счел невеждой его, образованного субъекта, эрудита и эстета.

Положим, в робота-автоответчика можно загрузить любую информацию о значениях слов и выражений в любом языке для любой незапамятной эпохи, но для имитации живой человеческой речи надо еще научить этого робота, например, добавлять к отрицательному утверждению «не серебром» эмоциональное «конечно» с категоричным пояснением, усиливающим выражаемую эмоцию: «было бы неверно». В спиридониадском каламбурном стиле то же самое можно сказать так: ну что вы, батенька мой, в самом деле, за кого вы меня принять изволили-с, уж я, будьте уверены, грамоте знаю и не лаптем щи хлебал в вашей «юдоли слез», пока не помер, а с вами и «второй раз помрешь». Этим парафразом, кажется, близко скопирован спиридониадский стиль речи, нет?

Схолия 6. «Рассказы о стуках, шалостях, привидениях» — Спиридон подтверждает: рассказы о привидениях не на пустом месте роятся. Ведь он сам, судя по его самопрезентации, есть привидение как невидимый призрак, явившийся Аксакову здесь и сейчас и называющий себя «экс-человеком», а это все равно что назваться призраком умершего человека, а это и есть классическое привидение, невидимое или видимое.

Схолия 7. «Есть браки поистине вечные» — читай: есть супружеские пары, не разлучаемые смертью и продолжающие совместное существование бессрочно. В наш развратный век такие реплики с того света могли бы возыметь высочайшую ценность, окажись они правдой.

Схолия 8. «Знаю» — не первый раз Спиридон свидетельствует, что он владеет информацией о собеседнике, какую получают не с чьих-то слов, а путем умозерцания и через доступ к содержанию сознания. У людей такие способности встречаются крайне редко и называются ясновидением и телепатией, а у производителей спиритических сообщений это банальные свойства, но: это прекрасно сочетается с феноменом спиритического вранья.

Диалог XII. «ВЫ ЛЮБИМЦЫ НЕБА»

69-е сидение, 1.05.1882

Вскоре после того как мы сели, указка задвигалась, и сложилось следующее:

Спиридон: Рад. Вы знайте навсегда, что все то хорошо, что делается хорошо. Ваш Спиридон.

Аксаков: Чему рады?

Спиридон: Мешает мне, он не желает.

Аксаков: Кто он?

Спиридон: Он просто не дает возможности говорить¹, что хочу. Относится к нему.

Для объяснения этого надо сказать, что это заседание было неочередное. Произошло домашнее событие, под впечатлением которого и сели в этот день; надеялись побеседовать с кем-нибудь из своих. Но вместо ожидавшегося отозвался Спиридон. «Он», т.е. медиум мужского рода, мысленно противился Спиридону, и указка двигалась с трудом; этим и объясняется выражение: «он мешает». Тут мы пояснили Спиридону, в чем дело, и он ответил:

Спиридон: Я могу уйти.

Аксаков: Нельзя ли вызвать, привлечь?

Спиридон: Можно, конечно, не привлечь, привлекать; да я-то что, ведь тоже влеком и прихожу²; сознательное цитирование* (*совершенно необычное для нас употребление этого слова в таком смысле, и это уже не в первый раз) в подобном случае будет само собой часто удаваться, в других трудненько, очень, очень. Ну что же, уходить? Я, б.м., другому помешаю.

Аксаков: Если увидите, что пришел другой желающий, то тогда и уступите место.

Спиридон: Частые сношения изолируют, они очень сильны, почти непроницаемы, особенно когда я сам налицо.

Аксаков: Как странно!

Спиридон: У вас все то же, господа; вы, б.м., меньше замечаете, но часто изолируете и бываете изолируемы. Сила духовных связей в жизни земной уже громадна, какова же у нас? Это поистине делает впечатление каких-то чар — и остается потому неразгаданным, вернее, непонятным — у вас, конечно; для нас все это ясно... Вокруг вас всех, но в разной степени, есть то, что я и здесь все продолжаю звать господней благодатью, — невыразимо, хотел бы сказать: любимцы неба. Понимайте как знаете, но твердо веруйте, что это все духовные связи³.

Аксаков: Духовные существа, что ли, вокруг нас?

Спиридон: Это трудно понять, надо видеть, как я, сколько тончайшего света вокруг вас, как вы укутаны, точно детеныши в гнезде.

Аксаков: Ну, так попробуем, просим уступить место, мы очень бы желали кого из своих.

Спиридон: Желая. Я уж сегодня не уйду домой, но вас оставляю.

Аксаков: А позвольте спросить, ваш дом на земле или на какой планете?

Спиридон: Далеко⁴.

Тут я азбуку убрал и присел к столику, за которым сидели оба медиума. Вскоре пять бойких ударов ножкой стола. «Русскую»? — «Да». — «Картонную»? Молчание. Новый пришелец мог и не понимать, что это значило, а потому замолчал. Стал говорить русскую азбуку и сложилось: «Тетя». «В.И.?» — спросил я. Сильное подтверждение. Тогда я подложил картонную азбуку, поясняя, в чем дело. Тут началось весьма странное сообщение:

— Что за странность, не ваш труд*, — (**замечательно, что на первых строках «ъ» опускается, как бы остаток влияния Спиридона⁵, потом стало прописываться*), — удивительно, почти должна была прийти, точно по требованию высшей духовной власти, и тотчас вспомнила, что С. рождение.

— Что значит «ваш труд»?

— Не может быть, чтобы это от вас было: выше меня власть. Странно, очень странно: непонятное влияние, выше меня.

— От кого же может оно исходить, как не от С.?

— Нет, нет, сама не понимаю; дайте опомниться... Сила громадна, точно туман на меня действует, плохо соображаю. Другой раз лучше приду, страшно трудно. Что-то странно. Ну, я ухожу, господь вас храни.

По нашим ожиданиям, легко могли получиться обычные выражения по случаю домашнего события: изъявления сочувствия, радости, добрые пожелания, благословения от ближайших. Но вышло противно ожиданиям и не шаблонно.

Схолии к диалогу XII

Схолия 1. «Он просто не дает возможности говорить» — Спиридон свидетельствует о душевной блокировке диктовки, что в данном случае состоит в том, что медиум психологически настроился на контакт не со Спиридоном, а с некими другими духами, которые относились к числу умерших в семействе Аксаковых и ожидались в данный момент на спиритический сеанс, а явился Спиридон и напоролся на душевную блокаду.

В спиритизме (как, кстати говоря, и в гипнотизме) хорошо известно то психологическое обстоятельство, что спиритические (равно как и гипнотические) явления происходят легче, лучше и выразительней, когда участники сеанса, в том числе медиумы, психологически настраивают себя на явления и ждут их с охотой, без внутреннего сопротивления им и неприятия их.

В данном случае мы имеем дело с погрешностями психологической настройки: медиум настроил себя на трансляцию из одного источника, а пошла трансляция из другого (нежданного) источника и встретила внутреннее сопротивление в душе медиума.

Вообще говоря, психологическая блокировка душевного входа работает применительно к чему угодно, и каждый знает по себе силовые возможности собственного волевого или невольного сопротивления чему-либо всей душой или не всей. И наоборот: стоит вам, что называется, открыть душу чему-либо и внутренне настроиться на приятие и восприятие этого чего-либо душой — и в открытый таким образом душевный вход входит то, чему он открыт, и, войдя, находится в душе, но не буквальным образом, конечно, а в качестве предмета мышления и мыслимого образа, притягивающего ваши мысли с той или иной силой и влияющего на общий поток вашего мышления, составляя некоторое содержание мышления.

Когда Спиридона ждали в заранее условленный день, он легко и свободно входил в открытые ему навстречу души медиумов, и указка сразу начинала быстро бегать по азбуке, так что Аксаков едва успевал раскладывать сплошной ряд диктуемых букв на слова. А в этот раз Спиридона не ждали, и «указка двигалась с трудом», преодолевая душевную блокировку.

Схолия 2. «Я-то что, ведь тоже влеком и прихожу» — влеком чем? Приходит откуда? С какой целью? И кто, собственно, приходит? Вопросы, вопросы, вопросы. Что ни скажет Спиридон — в связи с тем тут же возникает и вопрос. А ответ — сам ищи всяк, читающий сообщения Спиридона, и не жди ответа от него, это всего равно что искать разгадку в самой загадке и решение задачи в самой задаче и в условиях ее. Довольно было б и того, что называется наводящими мыслями и подсказками, но и это в Спиридонаде если и есть вообще, то хорошо запрятано.

Схолия 3. «Духовные связи» — опять не очень внятно выражается Спиридон, оперируя этим словосочетанием и вызывая мистический интерес пассажем, сшитым «духовными связями». Заголовком диалога взята цитата: «Вы любимцы неба». Такую метафору любой задумавшийся над ней гражданин земли может раскрыть в более внятных выражениях, чем те, что подобрал гражданин неба. От него эти земные «любимцы неба» ждут большего и ждут его самого как посланца неба, который может открыть глаза и просветить ум разгадками великих загадок. Тщетно. Спиридон сам есть загадка, и все, что он говорит, создает эту загадку.

Схолия 4. «Далеко» — вот где обитает «экс-человек» Спиридон. Если вы хотите знать, что такое духовный мир, то вот вам ответ от насельника этого мира: это «далеко». Понятно? Разумеется, ни капли. Но понятней, мол-де, не объяснить такой бестолочи, как человек, будь вы хоть Сократ или кто там самый умный среди людей.

Схолия 5. «Как бы остаток влияния Спиридона» — эта ремарка Аксакова любопытна весьма и даже чрезвычайно любопытна для теории: при быстрой смене персональных источников спиритической диктовки некоторое время диктовка, исходящая от новоявленного источника (от «тети»), обнаруживает в себе и сохраняет индивидуальные особенности диктовки, исходившей от предыдущего источника (от Спиридона).

Сия смена спиритических лиц (говорящих духов), происходящая с наложением лиц, выражающимся в точном копировании вторым говорящим лицом элементов индивидуального стиля речи первого говорящего лица, живо напоминает, не правда ли, смену ролей и смену масок, как если бы актер, только что игравший одну роль и выступивший в одной маске (Спиридона), переменял роль и маску, и при вхождении актера в другую роль под другой маской в речи и жестике актера застряли, не сразу зачистившись, элементы предыдущей роли, а обновленная маска в моменте обновления, уловимом глазом наблюдателя, сохраняет (как образ, в который входит актер вместе с ролью) черты предыдущей маски.

В этой логической связи ассоциативно припоминается и то, как спиритическое женское существо, являвшееся Круксу, Аксакову и другим воочию и во плоти под именем Кэти Кинг, в большей или меньшей степени сохраняло некоторые черты физического лица своего медиума Флоренс Кук, материализуясь в эктоплазменном облаке как совершенно другая фигура, а не копия медиума, в отличие от призраков-двойников.

При материализации призраков-двойников, как, например, в истории Эмили Саже (см. главу «b» «История Эмили Саже» в составе фактологического предуведомления №2 «Духовное тело»), духовное тело человека (дух), выходя из физического тела человека (экстериоризируясь), является очевидцам как точная на вид копия своего обладателя, видимая физическим зрением как материализация духа, разнящаяся по степени, часто будучи прозрачной в поле физического зрения как отражаемый глазной оптикой физический объект (а не галлюцинация).

Есть основания мыслить природный механизм спиритической материализации при помощи простой логической схемы, допускающей, что при материализации спиритических существ, таких как знаменитая Кэти Кинг и не менее славная Иоланда, духовное тело медиума (дух медиума) выходит из физического тела медиума и принимает под неким сторонним воздействием другой физической облик в эктоплазменном облаке, отличный от физического облика медиума, хотя с некоторым сходством в чертах лица.

Смена физического облика духом медиума на спиритическом сеансе напоминает смену масок и костюмов актером, а поскольку вместе с физическим обликом меняется манера поведения и речь, так что спиритическое существо, например Кэти Кинг, говорит другим голосом и в других выражениях, нежели медиум (Флоренс Кук), и производит речью и манерой поведения впечатление другой личности, подменившей личность медиума, — это похоже на смену ролей актером. Актер тут есть дух медиума, отделенный от физического тела медиума, а также от сознания медиума, даже когда медиум находится не в трансе (не вне сознания), а в сознании, как, например, в редчайшем случае конгениальной мадам де Эсперанс, описавшей, как она оставалась в сознании, созерцая воочию материализацию Иоланды и не только Иоланды (см. фактологическую иллюстрацию «Мадам из «Страны теней» на подверстке к главе «ТВ (ФД) №№1-2»).

Логическая аналогия с актером, меняющим роли и маски на спиритическом сеансе, не зря так похожа на спектакль, применима к медиуму с обязательным учетом того обстоятельства, что спиритический спектакль разыгрывает не сам медиум и не сам он выступает актером на этом спектакле, а дух его, вводимый в роль и облачаемый в маску помимо воли медиума, который сам при этом обычно просто-напросто отсутствует, пребывая в трансе: вне сознания: вне тождества с самим собой.

Если аналогию с актерской сменой ролей и масок примерить к гипнозу, то актер здесь есть загнипнотизированный субъект, играющий роль и надевающий маску по воле гипнотизера, выступающего режиссером и одновременно сценаристом (программистом) на спектакле гипнотического сеанса, тогда как на спиритическом сеансе режиссер скрыт и сам есть роль, на которую претендуют так называемые духи-руководители, говорящие через медиума разными способами и якобы (как они же и говорят через медиума) осуществляющие, подобно режиссеру, контроль за всем происходящим на сцене спиритического сеанса.

Контролирующий дух ведет себя, как гипнотизер, погружая медиума в транс и обращаясь с медиумической сомнамбулой (с духом медиума), как с загнипнотизированным субъектом, выполняющим то, что ведет гипнотизер, который способен заставить сомнамбулу выйти из физического тела, как это делал Дюрвиль (см. главу «с» «Эксперимент Дюрвиля» в составе фактологического предуведомления №2 «Духовное тело»).

Чудеса гипноза и спиритизма осуществляются в рамках законов живой и неживой природы, содержащихся в абсолютном разуме как законы творения, по которым существует мир как творение и по которым может что-либо сотворить в реальности какой-либо программист и режиссер, будь то сам бог, творящий мир из самого себя как из абсолютного духа по программе творения, и будь то эстрадный гипнотизер, творящий гипнотический спектакль по собственной программе и властвующий над подопытными субъектами исподволь, как бог над всем живым.

Но, как вы понимаете, сходство между богом и гипнотизером ничтожно относительно бесконечной разницы меж ними. И столь же ничтожно, надо полагать, сходство между богом и теми сомнительными сущностями, кои сами себя называют контролирующими духами и будто бы контролируют то, что творится на спиритическом сеансе через дух медиума и с духом медиума как с сомнамбулой, манипулируемой в трансе, как под гипнозом.

Когда дух-руководитель материализуется в человеческом облике, как в случае

Кэти Кинг, тогда наиболее демонстративен факт потустороннего управления духом медиума за порогом сознания и медиумическая сомнамбула ведет себя, как невидимая кукла, обряжаемая в видимый наряд и показываемая публике в виде материализованной фигуры.

Но: сомнамбула, незримо вышедшая из тела медиума (например, из тела Флоренс Кук) и зримо представшая в другом теле (например, в теле Кэти Кинг), играет на сцене спиритизма (в отличие от сцены гипноза) роль не сомнамбулы, а самосознательной личности, такой как Кэти Кинг, которую очевидцы не могли отличить от обычной молодой англичанки, ничуть не похожей на робота (сомнамбулу), как будто Кэти существует и самоидентична в своем собственном сознании, что, однако (нотабене), надо доказать как факт без всяких «как будто» и свести доказательством к нулю вероятность какой-нибудь сверххитро-роботической и супергипнотической живой имитации субъекта, а таковая вероятность чисто теоретически, помня о чудесах спиритизма и гипнотизма, вполне логично мыслима в отношении любого субъекта, кроме самого себя.

Когда спиритический субъект остается невидимым (как в случае Спиридона), а медиум не впадает в транс и остается в сознании (как в случае аксаковских медиумов), тогда медиум совсем не похож на гипнотическую сомнамбулу, но дух его все равно служит куклой, манипулируемой за порогом сознания, выступая транслятором чужого текста, подобно актеру, который вошел в роль так глубоко, что себя не помнит, и вызубрил текст так хорошо, что шпарит по сценарию в режиме автоматического мышления и самозабвенно впадает в состояние творческого трансa.

Так называемый творческий транс — это, разумеется, ненастоящий транс: это вообще не транс, а подобие трансa, наряду с любыми отрешенными состояниями души, которые сознательны, а не бессознательны, и относятся к разновидностям сознательного автоматизма душевной деятельности, кои все принципиально противоположны сомнамбулизму как бессознательному состоянию души и обладателя души, но вместе с тем и подобны сомнамбулизму своим автоматизмом и своей сноподобной отрешенностью наяву как диалектическое третье между сомнамбулизмом и ясным сознанием.

А что, собственно, играет главную роль во всех видах человеческого творчества? То, что называется талантом. В состоянии так называемого творческого трансa и так называемого вдохновения обладатель так называемого таланта повинуетя таланту, словно загипнотизированный субъект установкам гипнотизера, а по другой напрашивающейся аналогии — как робот своей программе.

Подытожим схолию: если «экс-человек» Спиридон не есть самосознательный субъект, близкородственный человеку, то он есть роль, состоящая в имитации субъекта и исполняемая неизвестным актером, которым вряд ли может быть медиум, но если есть роль (в данном случае, роль Спиридона), то есть и актер (исполнитель роли Спиридона), и если это не медиум, то кто? Или что?

Диалог XIII. «ВОКРУГ КАЖДОГО ЕСТЬ ЕГО АТМОСФЕРА»

70-е сидение, 5.05.1882

Канун моего отъезда в деревню. Последняя среда. Хотелось посидеть. Поджигали, не придет ли опять В.И., не принесет ли весточки от своих. Едва уселась, пять ударов и требование русской азбуки. Отъявился Спиридон, его также звали на последнюю среду. Он так стал сокращать, что мы с трудом схватывали смысл, постоянно переспрашивали, и наконец он сам потребовал прибавить к азбуке знаки препинания.

Аксаков: Это Спиридон?

Спиридон: Да, я давно жду, — (*мы замешкались и сели позднее). — Было что-нибудь? Думаю, да* (*да).

Аксаков: То есть после вашего посещения в тот раз?

Спиридон: Да.

Я сообщил ему странный случай с В.И. и сказал:

Аксаков: Не было ли тут вашего участия?

Спиридон: Я с вами р., пожелал все, что могу сказать. Она, верно, недавно к нам перешла, в царство духовной иерархии¹.

Аксаков: Что значит «р»?

Спиридон: Работал, пожелал, — (*уходя в тот раз, сказал «желаю»), — покрм, по-моему...

Аксаков: Что значит «покрм»?

Спиридон: По крайней м.

Аксаков: Но эта особа вам чужая! Как же вы могли работать, желать, по неопределенному направлению?

Спиридон: Работал на усиление вашей воли. Значит, определенное направление коснулось того, кто воспринял.

После разных переспросов, выяснивших эту фразу:

Спиридон: Вы говорили, что я желал будто неопред... для вас неопред... для меня опред... А вот приделайте сюда знаки препинания. Трудно понять наши порядки, а после меня скоро толку не будет.

Аксаков: То есть после вашего посещения?

Спиридон: Я говорил про это.

Аксаков: То есть ваша сфера, ваше влияние² остается и препятствует другим?

Спиридон: Надолго. Мое влияние сильно, особенно потому, что духовно, добровольно и даже, могу сказать, взаимно.

Аксаков: По поводу наших опытов с монетами, я имею сделать вам два вопроса: 1) вы говорили, что видите сами, имеете свой орган зрения и т.д.; между тем, из опытов наших следует заключить, что вы — в зависимости от каких-то наших условий, и 2) в чем состоят эти условия?

Спиридон: Ответ на первый: я говорил, что вижу сам; я говорил: одно дело — видеть самому, другое — вам передать; я говорил: его глаза нужнее. Сума* (*сумма): отдельные наши восприятия, в том числе и зрение, самостоятельны и независимы от вас, но потому-то и качественно и количественно разнятся от вашего. Чтобы поделиться, нужна ассимиляция³. И помимо того, для всякого общения — общение нужно. На второй — в чем оно состоит? Сфера моей деятельности в общении с вами, конечно, ограничена; вспомните теперь, куда вы клали и что она заслоняла его.

Толкуем про себя и поясняем, что посредница сидела перед посредником, а деньги были положены на скамейку, стоявшую позади посредницы, и следовательно, ее тело заслоняло их.

Спиридон: Недурно. Сфера же круглая, так ск* (*так сказать), и должна быть без перерыва, т.е. от него исходить и замыкаться.

Читаю вслух записанное; недоумеваем.

Спиридон: Неясно? Ведь и не шутка. Ну представьте себе, я хочу вступить с вами во внешнее общение. Самое удобное — воспользоваться им, т.е. посредником. Вкруг него есть, т.с.* (*так сказать), его атмосфера, наиболее духовная часть каждого⁴. Мне предстоит, с.б.* (*стало быть), действовать вот уже под условием протяжения его атмосферы. Потом круг этот должен быть замкнут, т.е. непрерывен, как я сказал. Перед ним сидит она, вот вам периферия.

Аксаков: Итак, чтобы видеть вообще, вы связаны медиумическими условиями?

Спиридон: Никакими! Да что же вы про это знаете? Т.е. пока я вас по-своему и для себя вижу, мне ничего не нужно; это ясно, даже очень. Раз я хочу для вас вполне, по-вашему, не только увидеть, но и с вами поделиться — другое дело.* (*Ответ этот имеет свое философское значение. Если наш собеседник, действительно, принадлежит к миру существ, к миру нуменов, в котором он видит наши вещи не так, как они нам представляются, а каковы они в себе, то он видит их «по-своему»; но раз он должен видеть их «по-нашему», он должен вступить в мир явлений, в мир феноменов, и приспособиться к условиям нашей организации, ибо какова организация, таково и мирозерцание⁵).

Аксаков: Еще один вопрос: для чего вы потребовали тогда белую бумагу?

Спиридон: А это личное условие; бывает иногда и у вас такое чувство, что так вижу лучше, а у нас чаще.

Аксаков: Вы намерены употребили выражение: «любимцы неба», вот я перечту...

Спиридон: Помню, не надо. Хотел сказать просто, что у вас очень мягкие и сильные атмосферы, да немного разнежничался. Ну а смысл в этом есть. Говорите же вы: «в сорочке родился» — лучше этого, конечно.

Аксаков: Вообще об этих связях что-то напутано!

Спиридон: Не путано, а просто для вас непонятно⁶.

Аксаков: А вот странно, кажется, слух у вас тоньше зрения, вы тотчас слышите все, что я говорю. Видно, слышать вам легче, чем видеть?

Спиридон: Опять не странно: вы говорите ведь по определенному направлению, не так ли.

Аксаков: Приходится нам расстаться, уезжаю на лето...

Спиридон: Каникулы, ну и прекрасно. Поотдохнем друг от друга. Хорошее лето будет всем вам. Думаю, конечно, увидимся. И все же недаром бывал с вами, чему очень, очень рад. Господь с вами, голубчики. Вспомните на досуге, знаю. Всегда приду, когда пожелаете. Поклон тому, кто здесь бывал, его тоже люблю⁷, хотя и меньше, чем вас. Ну с Богом!

После чаю опять присели ненадолго «в ожидании», не откликнется ли кто из своих. В тот раз просили В.И. принести весточку; вместо того чрез пять минут пятью

ударами потребована немецкая азбука и объявился старый наш знакомый, немец, бывший профессор латинского языка, сообщения которого на латинском и греческом я приволил в «Psych. Studien»; здесь упоминаю о нем, потому что появление его — в связи с предшествующим. По его словам, он явился по поручению В.И., которая не решилась опять попытаться, чему он очень удивляется, ибо находит у нас, напротив, какое-то благорастворение воздуха, которое мы объяснили ему остатком сферы Спиридона. Замечательно то, что он знал, что тут было с В.И. Вот образец его речи...» (*Далее — текст на немецком, здесь изъятый).

Схолии к диалогу XIII

Схолия 1. «Царство духовной иерархии» — читай: царство небесное, читай: духовный мир, читай: мир духов, читай: нематериальная сфера существования нематериальных живых существ, в том числе мыслящих существ, являющихся самосознательными субъектами, родственными по мыслящей природе нам, людям. Так следует понимать то, что, по широко распространенным понятиям христианской религии и философии, называется царством духовной иерархии, а с каким-то другим смыслом такого рода термин не следует употреблять, во избежание путаницы в терминах и понятиях.

И если Спиридон говорит о царстве духовной иерархии с таким видом, как будто он говорит о некоей реальности, которую он знает, а не измышляет, и в которой он сам существует, стало быть, во-первых, это (как, собственно, и все, диктуемое Спиридоном или от имени Спиридоном) надо расценивать **либо как правду, либо как неправду**, где правда есть утверждаемый в примененных выражениях (пускай неясных) факт, а неправда — какой-то обман, розыгрыш, мистификация.

Изучая Спиридоиаду, чем дальше, тем больше вы должны чувствовать эти железные логические рамки дуализма, в которых складывается по буквам мысль Спиридоном либо как высказанная правда (ясная или туманная — это другой вопрос), либо как неправда, а иными словами: либо как утверждаемый факт, либо как обман, розыгрыш, мистификация.

Надо хорошо понимать, что если Спиридон упоминает так называемое (в классической терминологии человеческой религии) царство духовной иерархии — это, в первую очередь, значит одно из двух: либо это царство существует, то бишь Спиридон изрекает истину и свидетельствует о факте, либо Спиридон не является свидетелем факта и глашатаем истины и сболтнул что взбрело, будто бы в силу причин, коих нам не понять, как сообщает он же, Спиридон, и опять одно из двух: либо факт сообщает, либо попусту болтает.

Схолия 2. «Ваше влияние» — читай: потустороннее воздействие на душу медиума за порогом сознания с результатом в виде спиритической диктовки и эффектов, сопутствующих диктовке.

Один из таких эффектов состоит в уже упомянутом (см. схолию 5 к диалогу XII) остаточном влиянии Спиридоном, выражающемся в том, что после контакта со Спиридоном душа медиума некоторое время остается в контактном состоянии, созданном Спиридоном как состояние трансляции, в котором душа медиума служит транслятором диктовки, причем авторской диктовки, характеризующейся авторским стилем выражения, авторским словоупотреблением и авторской тематикой, как будто автор диктовки есть личность: мыслящий субъект со своим индивидуальным мыслящим «я».

Находясь в контактном состоянии, созданном Спиридоном с настройкой на авторскую диктовку Спиридоном, душа медиума уподобляется радиоприемнику, настроенному на волну и вещающему в текущий момент на фиксированной волне, так что переход на другую волну в этом моменте заблокирован. А при смене индивидуальных источников спиритической диктовки происходят явления, отдаленно напоминающие наложение радиоволн в радиозфере и забивание одной волны другой волной, но это не лучшая аналогия.

Эффект остаточного влияния Спиридоном состоит в том, что при смене индивидуальных источников спиритической диктовки трансляция из нового источника (как в случае с «тетей В.И.») затруднена и обнаруживает элементы индивидуальной техники диктовки, характерной для предыдущего источника, имея в виду манеру Спиридоном сокращать диктуемые слова. Это больше похоже не на наложение радиоволн, а на смену ролей и масок актером (см. схолию 5 к диалогу XII).

Оные разные роли названы выше по тексту этой схолии разными индивидуальными источниками диктовки, имея в виду, во-первых, Спиридоном (один индивидуальный источник = одно спиритическое лицо = одна роль), а во-вторых, «тетю В.И.» (другой индивидуальный источник = другое спиритическое лицо = другая роль).

Но: если Спиридон и «тетя» не субъекты, а имитация субъектов, то в этом случае (NB) Спиридон и «тетя» не являются разными источниками диктовки, а являются разными результатами диктовки как разные роли, спрограммированные в одном и том же потустороннем источнике диктовки, из коего через душу медиума транслируется, во-первых, индивидуальная речь Спиридона (вот одна роль), а во-вторых, индивидуальная речь «тети» (вот другая роль).

Сколько разных духов нарисует за один сеанс — столько и ролей в спиритическом спектакле, если эти духи не являются мыслящими субъектами, а являются имитацией субъектов, проделываемой в душе медиума, словно на театральной сцене, где один актер может играть разные роли, меняя маски и читая текст от разных лиц, где читка текста есть спиритическая диктовка, транслируемая душой медиума из внедушевного источника.

Схолия 3. «Чтобы поделиться, нужна ассимиляция» — читай: чтобы диктовать через душу медиума сторонние (созданные не медиумом — потусторонние) мыслительные конструкции и складывать мысли из букв, двигая указкой под рукой медиума, автор диктовки (бишь Спиридон) должен неким образом войти в душу медиума за порогом сознания и ввести душу медиума в контактное состояние трансляции, в котором медиум, в соответствии со смыслом этого слова (посредник), используется как проводник стороннего (потустороннего) мышления: транслятор.

Чтобы получше понимать логическую задачу, состоящую в отыскании ответа на вопрос, кто или что есть Спиридон (автор диктовки), не помешает логически сравнить спиритическую диктовку с похожим по результату (в виде текста) явлением, происходящим в душе человека, надо полагать, без посредников, называющих сами себя (через медиума) контролирующими духами: в сравнении тут напрашивается душевный механизм творческого мышления, работающий силою таланта как осуществление творческой идеи, считай, в автоматическом режиме (читай: как диктовка), если пренебречь волевыми усилиями автора, имеющими здесь такое же значение, как и в любой человеческой деятельности. Разумеется, автор должен душевно напрячься (приложить волевые усилия), чтобы творческий процесс пошел, но идет-то он в душе, что называется, своим чередом, как будто сам собой, автоматически, помимо человеческой воли, словно диктовка.

Вы не находите глубокий символический смысл в том обстоятельстве, что мировые народные эпосы в большинстве безымянны: канули в Лету имена авторов этих впечатляющих шедевров, но не канули в Лету сами шедевры, такие как Махабхарата, Рамаана, Песнь о Нибелунгах, Манас, Джангар, Кобланды-батыр, Калевала и т.д. Автору Илиады больше повезло, но он гипотетичен. Вас не смешит современный культ авторских прав?

Если кто-то скажет, что Илиада надиктована Гомеру самим богом, это, конечно, будет метафорическим высказыванием, но вполне логичным, если под творческой диктовкой понимать самораскрытие творческой идеи в душе автора силою таланта, иначе зовущегося даром как доставшаяся даром и дарованная свыше способность к творчеству. Диктовка здесь есть душевная трансляция творческой идеи и смыслового содержания, упакованного в идею и распакованного автором шедевра. Иначе говоря, диктовка здесь осуществляется как исполнение творческого императива, который есть душевный диктат творческой идеи как творческой задачи и диктат таланта, исподволь и незаметно (так что исключено в принципе насилие над душой) подвигающего автора прилагать волевые усилия для решения задачи и претворения идеи в жизнь, и если автор при этом должен сам заставить себя напрячься — этим ничуть не нарушается принцип свободы воли, и шедевр стоит того, в строку поговорки: искусство требует жертв.

Источником творческой диктовки (если применить такой термин для сравнения) является, можно сказать, абсолютный разум (бог) как абсолютное вместилище истинной, упакованной в творческой идее, а душа человека — транслятор, приспособленный своим конструктором (богом) воспринимать из абсолюта творческие идеи и претворять их в жизнь. Надо полагать или можно предполагать, что сия способность души служить транслятором потусторонних, то есть порожденных в ней самой не ею самой, мыслительных конструкций, таких как творческие идеи и их смысловое содержание, работает как инструмент, посредством коего осуществляется и спиритическая диктовка, источниками, авторами и контролерами которой сами себя называют (через медиумов) некие духи, в том числе Спиридон.

Спиридон, кто бы и что бы он ни был, использует душу медиума как транслятор потусторонних мыслительных конструкций, имеющих вид разумной человеческой речи, записанной Аксаковым и идущей (в отличие от творческих идей и их содержания) не из абсолюта (иначе Спиридон был бы самим богом, что вряд ли), а из некоего мирового

(находящегося в мире, но не вне мира) источника диктовки, выступающего инкогнито под условным именем Спиридона.

Схолия 4. «Наиболее духовная часть каждого» — подобные выражения и пассажи с ними дополняют длинный ряд примеров тому, что Спиридону, похоже, нечего сказать сверх того, что и без него знает Аксаков, о душевном устройстве человека. Такое впечатление, что спиритический собеседник Аксакова просто старается делать умный вид, как будто он осведомлен обо всем на свете куда получше нас, людей, но, дескать, не может донести свои знания до нас, в силу каких-то там технических причин в сочетании с нашей человеческой тупостью. Да никто среди нас, людей, слишком-то не обольщается, положи руку на сердце, насчет своего ума. Посмотрите, с какой скромностью ведет диалог высокообразованный интеллеktуал Аксаков и готов ловить каждое слово Спиридона в боязни прослушать великую истину. А слышит такие вот детсколепетные выражения: «наиболее духовная часть каждого» — это совершенно ни о чем сказано, это терминология самой примитивной эзотерики.

Схолия 5. При всем почтении к Аксакову — истина дороже и требует прямо сказать, что напрасно Аксаков решил вдруг блеснуть своим знанием Канта и примерил кантианский дуализм феномена и ноумена к дуализму посюсторонней и потусторонней реальности. Чепуха. Если одним словом.

Схолия 6. «Не путано, а просто для вас непонятно» — да полно уже, Спиридон, и как самому еще не надоело делать, что называется, хорошую мину при плохой игре, выкручиваясь ужом из-под вопросов за неимением ответов по делу без ля-ля.

Схолия 7. «Его тоже люблю» — это про Бутлерова, нашего славного химика, который, в отличие от своего еще более славного коллеги Менделеева, относился к чудесам и загадкам спиритизма, как подобает всем искателям истины во всех областях знания.

Диалог XIV. «МЫ ПРОСТО РАЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ»

71-е сидение, 6.10.1882

Первое сидение по возвращении из деревни. Мы были под впечатлением разных домашних событий, совершившихся за лето, но это не отразилось на сеансе. Началось с пустословия и путаницы, вследствие чего несколько раз отнимали руки от стола. Потом резким движением стола в сторону потребована азбука, русская. Подложил картонную. «Видите?» — «Вижу» — был ответ. Буквы указывались бойко, отчетливо, но выходила бессмыслица. Продолжал записывать. В конце второй строки сложилось правильно:

Спиридон: Укажется, довольно, — недоумеваем. Складывается: — Ну.

Аксаков: Понукает нас, — заметил я.

Спиридон: Данеуану¹ (*да не у, а ну).

Тут догадались, что надо читать: «Ну, кажется, довольно».

Аксаков: С кем говоришь?

Спиридон: Пустое любопытство.

Аксаков: Значит, Спиридон.

Спиридон: Значит, да не вовсе, прошу переходить к лордру дюжурю* (*к повестке дня: l'ordre du jour).

По этому выражению можно было догадаться, что действительно говорил Спиридон, но увертки его все еще ставили в недоумение.

Аксаков: Всё штуки.

Спиридон: Какие тут штуки, просто некогда балясы точить.

Аксаков: Этак не знаешь, что и говорить с вами.

Спиридон: Вали*, — *ранее его же выражение было: «валяйте».

Аксаков: Когда с кем говоришь, то тут связь мыслей есть.

Спиридон: Связь мысли, благодарю.

Аксаков: Вы прежде беседовали с нами?

Спиридон: Еще бы, доводилось, к сожаленью.

Аксаков: Так почему вы ответили: «Значит, да не вовсе»?

Спиридон: Под именем значит не вовсе.

Аксаков: Но это все как-то глупо.

Спиридон: Все в дураках, пока у вас, привык. Во-первых, прошу прибавить к азбуке знаки препинания и цифры, — (*еще прошлой зимой требовал этого), — а то вы все будете в дураках. Во-вторых, пора переход учинить, а то мне, право, недосуг.

Аксаков: Кажется, право, можно признать за Спиридона.

Спиридон: Можно признать, не ошибись.

Передаю о споре, бывшем у меня этим летом с соседом, Н.А.А., утверждающим,

что все это — дело неизвестных еще, но наших психических способностей.

Спиридон: Говорено.

Аксаков: Далее сосед говорил: что же в результате? Что сказали вам эти духи? Что такое тот мир?

Спиридон: Там, где близко, дальше не будет².

Аксаков: Непонятно.

Спиридон: Там, где хочу знать то, что недалеко, там дальше не будет. Ужели он или вы воображаете, что на всякий ваш вопрос ответ нужен либо даже возможен?

Аксаков: Странно, что вы так отвечаете, ведь в этом вся суть дела, вся цель наших занятий.

Спиридон: Перечитайте все, что мною сложено. Мы просто разных взглядов, да и немудрено: вы смотрите на доказательность так дико, для меня конечно, что я в самой сути расхожусь, а цель ваша мне не руководство.

Аксаков: Право, не знаешь, о чем и говорить!

Спиридон: Почему же не болтать, но где ж тут доказательность или хоть только убедительность.

Аксаков: Да я уже и не прошу доказательности³, а просто поучения. Ужели вопрос об определении вашей новой формы бытия — вопрос праздный и недоступный для нас?

Спиридон: Он не праздный сам собой, да только слишком сложный и для того, у кого свое в голове, — бездоказательный⁴. Мы не можем же говорить авторитетом, это раз. А во-вторых, все то, что доступно данной голове, только и может в ней уместиться.

Когда я перечитывал записанное сплошь, то прочитал: «мы не можем же говорить, а вторить», — быстро сложилось: «это вздор». Догадались, что надо читать: «авторитетом». И далее, когда прочел: «что доступно дано и голове», — опять сложилось: «вздор», — и сам С. продиктовал: «данной». Потом продолжал:

Спиридон: Положим, Х думает о том, что он будет делать на том свете и притом, НВ* (*нотабене), верит, что он туда неминуемо должен попасть, ну хоть бы проездом. Теперь у него в башке N мозга, вот в этих N-пределах он все уразумеет, а дальше не взъщтите.

Аксаков: Так ведь башка башке рознь! Мозги человеческие немало работали над этим предметом, додумались до идеальности пространства, до вещи в себе и т.д. Поэтом и просим расширить наши пределы.

Спиридон: Фу ты, господи, следовательно, того, до чего сами не додумались, говорить вам и нельзя без авторитета, кажись, просто.

Аксаков: Фу ты, пропасть! Да ведь человеком себя именуете, есть между нами понятия общие — по-русски говорите — сказали: «домой не пойду» и т.д. Что-нибудь да разумеете под этими выражениями?

Спиридон: Да тут же существуют грани передаваемого, в них-то я вращаюсь... Я скоро не приду, сердит.

Как только эти слова сложились, движения дощечки остановились.

Очень странное, характерное, неожиданное сообщение. «Спиридон» остался верен себе, но был необыкновенно резок, нетерпелив и, наконец, рассердился. Записывание вышло не совсем правильно, ибо он указывал так быстро, что я не успевал записывать диктованные буквы. Он теперь бросил различать «ять» и «е», «ь» и «ы» вовсе не указывал, двойных согласных также, часто не заканчивал, словом — сокращал, как только мог.

Схолии к диалогу XIV

Схолия 1. «Данеуану» — Аксаков записал букву «у» в составе диктуемой словесной конструкции, а Спиридон в своей свойски-юморной манере поправил Аксакова: «Да не «у», а «ну», — это очень похоже, не правда ли, на живой разговор людей, когда один из собеседников ослышался, потому что другой неразборчиво произнес какое-то слово.

Поставьте себя на место Спиридона, но не в качестве непонятого духа и «экс-человека», производящего диктовку через медиумов, а в качестве обыкновенного собеседника (человека), который скрывается от Аксакова за ширмой и говорит не голосом, а при помощи (заменяющего аксаковских медиумов) технического приспособления с указкой, бегающей по дощечке с алфавитом и приводимой в движение невидимым образом из-за ширмы.

Вся Спиридониада звучит как живой разговор Аксакова с себе подобным субъектом, говорящим по-русски и близким Аксакову по интеллекту и культурной образованности. Аксаков не видит, с кем он обменивается сообщениями, но знает, что мыслительным источником диктуемых сообщений являются не его двое родственников,

присутствующих в роли медиумов, а некий 4-й субъект или некий имитатор 4-го субъекта, общающийся с Аксаковым через медиумов с таким же успехом, с каким могли бы общаться с Аксаковым вы и любой другой человек из-за ширмы при помощи технических средств передачи слов по буквам.

В стенограммах Аксакова ощущение живого разговора, сильно отличающегося от говорения робота-автоответчика вроде Алисы из Яндекс, создается, в том числе, такими элементами, как неразборчивые сообщения, моментально исправляемые на ходу невидимым собеседником, барабаниющим по клавиатуре, совсем как живой и ничуть не мертвый человек: «Данеуану».

Живость диалогов Спиридониады заставляет предполагать наличие двух живых источников мышления в качестве собеседников: Аксаков + Спиридон, где Аксаков есть человек, а Спиридон есть неизвестный мыслящий субъект, похожий по своей духовной (нефизической) природе на человека, либо неизвестный имитатор субъекта, причем живой (но не неживой по типу Алисы), а имитация настолько совершенна, что Спиридониада неотличима от живого разговора двух людей, осуществляющегося при помощи технических средств связи, например, по телефону или в чате (а в Спиридониаде средством связи служат медиумы).

Схолия 2. «Там, где близко, дальше не будет» — образчик софистической каламбуристики Спиридона, замечательный не глубокомыслием, а живостью и человечностью спиридониадского острословия, как будто это каламбурит заправский остряк из числа живых людей, а если из числа мертвых, как утверждает он сам («экс-человек» Спиридон), то трудно, да и нельзя, верить в подобные утверждения без доказательств, коих и добивается Аксаков.

Схолия 3. «Да я уже и не прошу доказательности» — Аксаков отчаялся добиться доказательств субъектности Спиридона от него самого. Это все равно что требовать от ужа не выкручиваться ужом и быть не таким скользким, каков есть уж по своим природным свойствам. А к числу свойств этого ужа (Спиридона) относится — ни много ни мало — разум либо как самоличная (присущая субъекту и мыслящему «я») способность к мышлению, обеспеченная тождеством субъекта и сознания, либо как некая программно-роботическая имитация разума, неотличимая от разума по тексту Спиридониады.

Схолия 4. Вопрос «не праздный... да только... бездоказательный» — еще и так вернулся этот уж (Спиридон), уходя от вопроса, кто он такой или что.

Схолия 5. «Фу ты, пропасть!» — Аксаков, теряя терпение от каламбурно-софистической изворотливости этого ужа (Спиридона), переходит на резкий тон симметрично резкостям Спиридона, и возникает прелестная (как фактический материал для логического анализа) перепалка умов, не находящих общего языка и обменивающихся любезностями на эмоциях, сияясь не выйти за рамки хорошего тона. Сия эмоциональность, такая естественная для человека Аксакова, звучит и в устах «экс-человека» Спиридона совершенно человечески, как будто Спиридон есть живой человек, а если и мертвый, то все равно живой как дух, то есть как живая сущность и к тому же мыслящая, как и человек.

Диалог XV. «ШАТУЩИЕ МАЗУРИКИ»

72-е сидение, 13.10.1882

Условными 5-ю ударами стало получаться сообщение на немецком языке от лица, которое назвалось Hillwig'ом, лица, известного двум из сидящих. Говорилось довольно толково, когда вдруг указка перешла на русскую азбуку и сложилось нижеследующее:

Спиридон: Все врал, а вы-то уши развесили, спасибо, я за вами поглядываю. Прочитал что-нибудь на ваших головах, и все тут, даже и имя приплел, тоже немудрое дело.

В этих словах мы узнали Спиридона, и дальнейшее собеседование продолжалось уже с ним.

Аксаков: Кто же врал?

Спиридон: Кто — мазурик. Спасибо за... — *тут он стал водить по знакам препинания¹, которые, по его желанию, были мною прибавлены к буквам: — Можно прибавить восклицательный знак. Часто приходится дивиться вам.

Аксаков: Теперь поясните-ка нам, это преинтересная вещь.

Спиридон: Еще бы! Имя-то дано, видно. Хоть мазурик, а нашу грамоту знает.

Аксаков: Кто мазурик, тот, кто показывал буквы?

Спиридон: Да.

Аксаков: Да почему же мазурик?

Спиридон: А потому. Тире надо тоже прибавить.

Последние слова относятся, очевидно, к недостававшему, по убеждению Спиридоны, знаку «тире»; но знак этот был; вследствие чего я воскликнул: «Попались, знак этот есть!» Спиридон тотчас его находит и продолжает:

Спиридон: Шатуший.

Аксаков: Да почему же вы это знаете?

Спиридон: А вы почему б узнали? Видно.

Аксаков: Это вы его прогнали!

Спиридон: Сам удрал.

Аксаков: Как вас увидал?

Спиридон: Именно. По-вашему, прогнал — это то же.

Аксаков: Так поясните, каким это образом, какая цель?

Спиридон: Сейчас, сейчас, голубчик: вот у вас вертится всякий вздор в голове, — виноват. Вздор этот — в определенном направлении. Вот вы и привлекаете к себе таких франтов². Они все будут говорить что угодно. Почему? Это сложно. Вот умер Х* (**это было указано по франц. азбуке*), полагал, что там должно быть так и так, видит — товарищ, айда к нему. А то и так м.б.* (**может быть*): просто искатель приключений — пришел и напорол. А то еще: есть и настоящие мазурики — ходят надувать чем можно, кого м.* (**можно*).

Аксаков: Про Х. непонятно что-то? Почему же именно врать?

Спиридон: Зачем же врать, можно и ошибаться³. Вы думаете к нам пожаловать сразу всезнающим — шалите.

Аксаков: Это другое дело, но тут целая система изысканного надувательства!

Спиридон: Сеталамод* (**c'est a la mode: это модно*). Подумайте, а я домой.

Аксаков: А ваш дом? Позволительно спросить?

Спиридон: До следующего номера.

Аксаков: А зачем вы были такой «сердитый» намеренно: сказали, не приду?

Спиридон: Пугнул маленько — не мешает.

Остается прибавить, что мой молодой медиум несколько дней тому назад перебирал письма Hillwig'a к нему⁴.

Схолии к диалогу XV

Схолия 1. «Тут он стал водить по знакам препинания» — русскоговорящий «экс-человек» выказывает свою образованность и причастность к цивилизованному человечеству чуть ли не в каждой фразе и даже в жестах, таких как вот это вождение указкой по знакам препинания в поисках нужного знака, способствующего лучшей передаче мыслей и не только мыслей, но и чувств. Человечность Спиридона логически эквивалентна проявлению личности Спиридона, похожей до неотличимости на человеческую личность как мыслящее «я», которое мыслит принципиально так же, как человеческое «я». Даже знаки препинания Спиридон требует добавить в клавиатуру, как мог бы потребовать любой образованный русский человек, воспитанный на классической русской литературе и питающий любовь к письменному русскому языку с обязательной пунктуацией.

Схолия 2. «Привлекаете к себе таких франтов», — пассаж Спиридона о «шатущих мазуриках» крайне неясен, так что понимайте как заблагорассудится, что это за мазурики и чем они отличаются от Спиридона. Но сам факт оных «шатущих мазуриков» хорошо известен в спиритизме и теоретически столь же интересен, как и факт Спиридона.

Схолия 3. «Зачем же врать, можно и ошибаться» — это точно. Но вот вопрос: если Спиридон не врет Аксакову, представляясь «экс-человеком», может ли оказаться так, что Спиридон ошибается на свой счет и мнит себя не тем, что он есть? А такой вопрос логически сдвоен с вопросом: если Спиридон ошибается в самоидентификации, то сознательно он ошибается или бессознательно? Иными словами: субъект он или сомнамбула? А сомнамбула в роли Спиридона эквивалентна некоему живому роботу-автоответчику, порядком более совершенному, чем неживая Алиса, и способному имитировать (играть роль) самосознательного субъекта (Спиридона) в спиритическом общении с человеком (Аксаковым).

Схолия 4. «Медиум несколько дней тому назад перебирал письма» — эта ремарка Аксакова любопытна тем, что вызывает ассоциацию с известной причинностью содержания сновидений, а именно той, когда сюжет сновидения обусловлен дневными впечатлениями и строится на них. Например: днем «медиум перебирал письма», а ночью увидел сон на сюжет, связанный с этими письмами. И на спиритическом сеансе обнаруживается аналогичная связь: «медиум перебирал письма» — и вышел на контакт некий будто бы дух, представившийся автором этих писем. Стало быть, одно и

то же обстоятельство («медиум перебирал письма») может служить причиной, определяющей содержание в одном случае сновидения, а в другом случае спиритического контакта. Что бы это значило?

Диалог XVI. «ЭТИ ФРАНТЫ ЧИТАЮТ В ВАШИХ ГОЛОВАХ»

73-е сидение, 20.10.1882

После обычных условных ударов потребовалась азбука французская, и стало складываться угарами же:

Спиридон: Qualunque violazione della legge divina costituisce un peccato w.

Итальянская фраза, означающая по-русски: «всякое нарушение божественного закона составляет грех», — была сложена совершенно правильно. При этом надо иметь в виду, что ни тот, ни другой медиум по-итальянски вовсе не знал, а я сидел в стороне и записывал буквы. Например, слово «costituisce» имеет довольно трудную орфографию, тем не менее оно сложилось вполне правильно. Только с буквою w мы не могли добиться толку, покуда не сложилось:

Спиридон: Nuladno* (*ну ладно).

Тут мы догадались, что имеем дело с нашим шутником Спиридоном.

Аксаков: Просим продолжать по-русски.

Спиридон: Осень, сыро, вот и заговорил по-итал., чтобы согреться.

Аксаков: Где это учились итальянскому?

Спиридон: Нигде, чего хитро, помню кое-что.

Аксаков: То есть что за хитрость сказать фразу, так ли?

Спиридон: Да.

Аксаков: А позвольте спросить, уж не в их ли головах прочитали?

Спиридон: Непременно к стене прижать, эка страсть! Мало ли дребедени в ваших головах, кое-что наберется, можно и по-итальянски выжать, только секрет знать, а то бы плохо.

Аксаков: В их головах нет итальянского, так и выжать не из чего.

Спиридон: Ну и радуйтесь, коли нравится. А я мой взгляд сказал: можно выжать всякую штуку¹. А позвольте спросить: разве вы думаете, что только то след оставляет, что в голове сейчас сложилось? Ан дандутки.

Аксаков: Кажется, напутали?

Спиридон: Грешен, просто дудки.

Аксаков: Так покайтесь, из вашей, значит, взяли головы!

Спиридон: Да это-то было из моей, только верить-то подобным штукам все же мудрено — бездоказательно.

Аксаков: Извините. Их руки сложили то, чего нет в их головах, следовательно, складывала другая голова.

Спиридон: Так ведь этого в их головах нет в той форме, как фраза, — а отдельные элементы готовой мысли все-таки суть.

Аксаков: «Элементы» в смысле букв?

Спиридон: Букв, да что вы знаете про элементы мысли — и объяснить не берусь.

Аксаков: Хорошо, отдельные элементы есть, кто-нибудь да собирает их.

Спиридон: Собирает — ну — вот посторонний сборщик Иван собирает за Петров: много их на селе, а денежные элементы уж готовы, да и Иван сам из Петров. Так может быть и тут: элем. мысли налицо, будто кто-то собирает их, — а на деле они сами собрались², только незаметно для плательщиков. Да, батюшка, круговая порука чудеса делает во всяком хозяйстве.

Аксаков: Позвольте теперь о прошлом сеансе поговорить, много вопросов.

Спиридон: Живо, домой пора.

Аксаков: Кстати об итальянском. Вы весной сложили однажды «vogtei morig». Скажите, что это — цитат, что ли? Или зря?

Спиридон: Романсик такой слышал как-то, премиленький, рекомендую.

Аксаков: Вы сказали, что тот мазурик прочитал в их головах, но в их головах в то время этого имени не было, и никто не думал о нем?

Спиридон: Ну, уж эта канитель. Я сказал: мало ли что сохраняется, да и не два-три дня, а вечно³.

Аксаков: Значит, эти франты могут читать в наших головах все, что туда однажды попало?

Спиридон: Именно могут, не забывайте, могут.

Аксаков: Позвольте, на этот же вопрос весной вы отвечали, что если и могут, то туманно, а тут целое имя выудили?

Спиридон: Очень просто могут — по-русски значит: представляется для них воз-

можным при наличии известных условий. Вот и выходит, что X у A читает туманно, а Y у B ясно, а то еще Z у C то ясно, то туманно. Ну, да это само собой. Я говорю — кандидат. Бонжур.

Аксаков: Позвольте, вы говорили: «будут говорить что угодно», между тем, напротив, часто угодно, чтобы пришел или говорил то-то, а выходит совсем другое?

Спиридон: Да не что вам угодно, а им — фуй.

Аксаков: Кто разумеется под словом «товарищ»?

Спиридон: Живой, т.е. земной, товарищ. Небесного, что ли, мыслителя! Рыбак — рыбака. Дураки и у нас водятся.

Аксаков: Хорошо, но это не причина, чтобы наврать, чужое имя принять.

Спиридон: Да вовсе не нагородить в данном случае, а поделиться с единомышленником.

Аксаков: А подделываться под чужое имя зачем?

Спиридон: Я вам всевозможные случаи сумбурных сообщений привел, а вы пристали и ни с места.

Просматриваю заготовленные вопросы.

Спиридон: Ау?

Аксаков: Хорошо-с, сами вы не к мазурикам принадлежите и не к шатущим, надо полагать, а для знакомства напороли вздор — помните балаганы?

Спиридон: Жевусалю*, пока (**je vous salue: я приветствую вас*).

Аксаков: То-то, видно, домой скорей, а кстати, где это ваш дом?

Дощечка затихла — ответа нет.

Аксаков: Тут вы?

Спиридон: Тютю.

Аксаков: Ну, прощайте, до следующего раза.

Схолии к диалогу XVI

Схолия 1. «В ваших головах... можно выжать всякую штуку» — читай: за порогом сознания можно извлечь из души медиума и любого человека незаметно для него ту информацию, какая диктуется на спиритических сеансах. Спиридон лишний раз подтверждает хорошо известный спиритам факт, что разумная сила, диктующая через медиумов спиритические сообщения и выступающая под именем духов, имеет доступ в сознание и за порог сознания всех присутствующих на сеансе и манипулирует извлекаемой из человеческих душ информацией, а также задействует скрытые от человека способности его души для производства спиритических явлений.

Схолия 2. «А на деле они сами собрались» — читай: мыслительные конструкции, диктуемые через медиума, могут диктоваться неким самопроизвольным образом как мыслительный процесс, протекающий в душе медиума за порогом сознания по, считай, совершенно неизвестным человеку психическим законам организации мышления.

Вопрос для сравнения: каким образом за порогом сознания возникают сновидения? Неким самопроизвольным, то есть независимо от воли человека. Сновидения возникают, что называется, сами собой, вероятно, неким программным образом и самопроизвольно (автоматически) крутятся в поле мышления сновидца, подобно видеороликам и кинофильмам на экране.

Вопрос по логической аналогии: может ли Спиридониада быть неким самопроизвольным порождением душевного механизма бессознательного мышления трех участников аксаковских «сидений» (спиритических сеансов) без стороннего (потустороннего) воздействия? Если да, то Спиридон не есть сторонний (потусторонний) агент, входящий в душу медиума откуда-то со стороны, а есть сама душа медиума или нечто в душе медиума, работающее за порогом сознания в качестве актера, выступающего в роли и в маске Спиридона. В этом случае Спиридониада есть душевный спектакль и сериал, разыгранный за порогом сознания подобно сновидению, но разыгранный (NB) не во сне, а наяву, причем не в трансовом состоянии души, а самосознательном.

Схолия 3. «Сохраняется... вечно» — читай: никакая информация, имеющаяся в душе, не стирается и сохраняется не только в душе, но и в некоем вселенском хранилище информации, иначе слово «вечно» употреблено Спиридоном неверно и не к месту или чисто метафорически.

В пассажах этого диалога Спиридон акцентирует, во-первых, что потусторонний согладалтай, залезший в душу, читает в душе, как в книге, во-вторых, намекает на возможность самопроизвольной диктовки, продуктом которой, если закончить мысль, может оказаться он сам, Спиридон. И тогда он реален не более, чем персонажи сновидений.

Диалог XVII. «КАЖДАЯ МЫСЛЬ ИМЕЕТ ВИДИМЫЙ СЛЕД»

74-е сидение, 27.10.1882

Сначала все выходил какой-то вздор. Медиумы отнимали руки от азбуки и отодвигались от стола, чтобы прервать влияние; потом опять присаживались к столу, но все получался разный вздор; и так до трех раз. Наконец, объявился Спиридон, но собеседование наше вышло короткое:

Аксаков: Наконец вы отозвались, теперь поговорим: в прошлый раз вы что-то мудрили, говоря, что элементы мысли сами собрались и проч. Между тем, из самой обстановки, игра личностей ясна: вы пришли, он удрал.

Спиридон: Без мудрости далеко не уйдешь, я именно мудрил, это вам пользительно. Говорить с вами о том, что есть, совсем для вас не поучительно. Гораздо важнее о том, что может быть, дикси* (**dixi, m.e. сказал*).

Аксаков: Ну, так поясните нам процесс этого чтения наших мыслей и знаний в наших головах?

Спиридон: Раз — этот процесс вовсе не в ваших головах происходит, а в пространстве. Два — он происходит совершенно просто — на манер вашего чтения, только другими глазами¹. Три — почему это видимо, не могу служить ответом — скажу лишь, каждая мысль, умная и глупая, имеет условный, но все же видимый след, причем почти безотносительно ко времени. Говорю — почти, а то вы опять ловить пойдете.

Аксаков: Далее: почему же им «удобно», большею частью, говорить вздор, ложь и брать чужое имя?

Спиридон: Не лучше ли было бы, когда вы, т.е. человеки, всегда одну правду говорили! А чужие имена — это понятно по многим побуждениям: начать с того, что инкогнито — любимое платье дураков, шутов, шалунов, бродяг и т.п.

Аксаков: А вы сами? Помните балаганы? Аль «домой пора»?

Спиридон: Домой пора.

Аксаков: Нет, поясните, прошу, пример хороший.

Спиридон: Ах, кабы он мог хоть что-нибудь пояснить, я бы, так и быть, постарался.

Аксаков: А все-таки поясните.

Спиридон: Не желаю.

Аксаков: Вы упомянули намеренно *la legge divina* — можете сказать, в чем состоит божественный закон?

Спиридон: Почитайте-ка в старых разговорах, кое-что найдете, впрочем, от таких рассуждений и напередки не откажусь — теперь я, право, как-то уставать с вами стал, сам удивляюсь.

Аксаков: Надо нам лозунг какой, чтобы тотчас вас узнать.

Спиридон: Бонжур — лозунг.

Аксаков: А то эти шатущие столько времени уводят, да вас покуда узнаешь, поневоле утомишься.

Спиридон: Нет, это утомление тоже не так просто.

Аксаков: Ну, так бонсуар!

Спиридон: Ньюи* (**m.e. он отвечает: «боннюи»*).

Схолии к диалогу XVII

Схолия 1. «Процесс чтения мыслей и знаний... не в ваших головах происходит, а в пространстве... на манер вашего чтения, только другими глазами» — такого рода реплики Спиридона теоретически гораздо интересней его лучших каламбуров как хоть какое-то, пускай очень туманное и скупое, пояснение по поводу того, как именно сторонний (потусторонний) субъект может в духовный контакт с участниками спиритического сеанса и получать доступ к содержанию их мышления.

Цитата в зачине этой схолии означает, что мировое пространство есть поле мышления. Выражаясь точнее, мировое пространство (космическая пустота: вакуум) есть пространственное поле абсолютного мышления абсолютного разума, которое позволительно мыслить по простой логической аналогии с экраном монитора, то есть как пустотный экран мышления, на котором вершится процесс творения как мыслительное действие абсолютного разума с результатом в виде вселенной как продукта мышления, созданного в космической пустоте и созерцаемого наблюдателем в ней, подобно картинке на мониторе (а из чего создана вселенная как продукт мышления создателя — это вопрос о первоэлементе: см. теорему первоэлемента и теорему поля мышления - тео-теоремы 12 и 14 в §3 «Тео-теоремы»).

Поле мышления всякого мыслящего субъекта двойно как пространственное и непространственное, соответственно дуализму пространственных мыслимых предме-

тов, имеющих геометрическую форму, и непространственных мыслимых предметов, лишенных геометрической формы, таких как числа и смыслы слов, например.

Сообщение Спиридона о чтении мыслей в пространстве можно расценивать как плохо выраженную философскую мысль с тем подтекстом, что та информация, которая, говоря условно и весьма метафорически, находится в человеческой голове (как будто на физическом носителе, подобном винчестеру компьютера), является содержанием мышления вовсе не в голове нашей материальной, а в душе нашей нематериальной и одновременно в мировом пространстве, тоже нематериальном, а точнее, в том пространственном объеме, который занимает духовное тело человека (дух души) вместе с физическим телом.

Пассаж Спиридона касательно мыслительного процесса, протекающего в пространстве, не похож на каламбур, зато похож на принципиально правильную философскую мысль, но скверно оформленную и требующую развития и полноценного формулирования, в чем Спиридон не так силен, как он силен в каламбуристике.

Схолия 2. «Инкогнито — любимое платье дураков, шутов, шалунов, бродяг и т.п.» — как вам нравится такой афоризм из уст нашего инкогнито с того света? Спиридон уж никак не дурак, стало быть, он причислил себя собственным афоризмом к кому-то из «шутков, шалунов, бродяг и т.п.» Аксаков не преминул поймать Спиридона на слове, и тот, как водится, отшутился и быстро смылся.

Диалог XVIII. «СЛЕД МЫСЛИ – ВИБРИРУЮЩАЯ СТРУЯ»

75-е сидение, 3.11.1882

Очень скоро указка потребовала русскую азбуку, и стало складываться:

Спиридон: Смыкает сон усталые глаза, и мысль, бледнея, будто умирает, как в летний вечер алая заря на небосклоне потухает.

Тут мой молодой человек заметил: «Это курьезно, ведь это мои стихи, вчера написанные, слово в слово». В это время указка показала:

Спиридон: Но не уг... сбил, — после чего стало продолжаться, причем эти слова были поправлены как следует: — Но тот источник света не угас: сияет он незримыми лучами, сокрытый лишь от наших тленных глаз, над дальними и чудными мирами. Так не туда ль отходит и душа, когда ты спишь и ничего не знаешь? Не те же ли далекие края ты с ней порой ночью посещаешь?

Аксаков: Я хотел похвалить, право, недурно.

Стихи были продиктованы совершенно правильно, за исключением: «умирает» вместо «замирает» и пропущено слово «тихо» (перед словом «потухает»). Тут автор пояснил, что он вчера вечером продиктовал эти стихи жене своей. Поэтому я спросил Спиридона:

Аксаков: Это вы их вчера подслушали?

Спиридон: Нет. Сегодня, сейчас меня встретили эти стихи¹. А знаете ли вы, что ваши мысли временно оставляют даже звучный след, хотя б они и никогда не покидали вашей головы. Почему? След мысли — вибрирующая струя. Вибрация есть звук в абсолютном смысле², ее лишь надо воспринять.

Аксаков: Что такое звук в абсолютном смысле?

Спиридон: Т.е. не в относительном.

Аксаков: Это не подвигает.

Спиридон: Значит, звук есть, да не про всякого звучит.

Аксаков: Но сохраняется вечно?

Спиридон: Временно, я сказал, но все же долго, м.б. (*может быть), даже вечно. Но все эти вибрации так сплетаются, так сливаются, так высоко поднимаются мало-помалу, что даже нам уже больше не слышать.

Аксаков: Вот вы прочитали, что было в голове медиума, и другие читают, но надо бы опыт сделать. Я задумаю, вы прочтите.

Спиридон: Это возможно, но как тогда скажу: он мне нужнее. Попробуем, посмотрим. Ваших стихов я все же не прочитал бы.

Аксаков: Верно, моя голова тусклее головы медиума.

Спиридон: Гораздо. Попробуйте.

Пишу на бумажке: «свадьба в доме» — и держу эту мысль в голове. Диктует:

Спиридон: Не знать нельзя, но можно ли не мочь.

Эти слова сложились по азбуке, в них, очевидно, нет смысла, и я заметил:

Аксаков: Нет, не идет.

Спиридон: Плохо, положите-ка сюда, б.м.* (*быть может), прочитаю, но это будет уж простое чтение.

Аксаков: Как положить, письмом вверх или вниз?

Спиридон: Завязав глаза, письмом вверх.

Надеваю обоим медиумам картонки, глубокие, из-под шляп, до самой шеи, и кладу бумажку на стол перед ними. Хорошо так?

Спиридон: Д. опвргодчоее вочдмтуе (**абракадабра*).

Аксаков: Нет, не идет, — *отнимаю картонки.*

Спиридон: Трудно почерк разобрать.

Пишу чернилами, каллиграфически, крупно. Надеваю картонки.

Спиридон: Солцфбагтбраю ветеу (**опять абракадабра*³).

Отнимаю. «Неудачно!»

Спиридон: Картонная выдумка — душно, мешает, потом отвек от ваших забав. Я и так не могу прочитать.

Аксаков: Сами предложили!

Спиридон: Ну и попробуйте еще в другой раз, только без картонки.

Аксаков: Это когда в другой раз?

Спиридон: Несносное ощущение иногда бывает от слишком близкого соприкосновения с земными формами.

Аксаков: Намедни вы заметили, что в разное время садимся. Разве наше время имеет для вас значение?

Спиридон: Может значить, как и всякий условный знак.

Аксаков: Но по вашей теории, как мы сели за стол и вспомнили вас, так наша мысль, вибрируя, должна коснуться вас?

Спиридон: Если я к этому готов. Вот и полезно руководствоваться тиканием ваших часов. Теперь позвольте отдохнуть.

Аксаков: Следующую среду у нас свадьба, как быть, перенести ли на другой день и который? Желали бы своих услышать.

Спиридон: Пропустите, я рад буду, а там своих — сделайте милость.

Аксаков: Хорошо, до свидания, mercredi en quinze?

Спиридон: Сеса, боннюю* (**c'est ca, bonne nuit*).

Аксаков: Теперь не говорите уж бонжур.

Спиридон: Бонжур теперь играет роль иную, ведь это долженствует быть пароль.

Следующие пять сеансов, с 9.11.1882 по 12.01.1883, дали только отрицательный результат, то есть или получался один вздор, или даже ничего не получалось; и стол, и указка оставались недвижимы. Однако же на сеансе 80-м получилось среди вздора несколько разумных слов, автором которых назвал себя некий «вице-Спиридон».

Схолии к диалогу XVIII

Схолия 1. «Меня встретили эти стихи» — не угодно ли вам выбрать одно из двух: либо эти стихи, сочиненные медиумом, читает в душе медиума четвертый субъект (Спиридон), либо их читает сама душа медиума в самой себе за порогом сознания под неким сторонним (потусторонним) воздействием и при этом разыгрывает бессознательный спектакль, называясь Спиридоном и выступая в роли четвертого субъекта (Спиридона) для всех троих присутствующих, в том числе (NB) для своего обладателя, автора стихов, то есть для медиума как самосознательной личности, сознающей диктовку, но не сознающей, откуда та идет. Какой из двух вариантов реален, а какой неореален, на ваш взгляд? А может, оба реальны?

Схолия 2. «След мысли — вибрирующая струя. Вибрация есть звук в абсолютном смысле» — еще образчик спиридониианской софистики, граничащей с каламбуристической. Аксаков не преминул поинтересоваться: «Что такое звук в абсолютном смысле?» А в ответ услышал, естественно, каламбур, естественней и быть ничего не может с того света: «Т.е. не в относительном».

Кстати заметить, термин «вибрация» — это чуть ли не базовый термин у нынешних эзотериков, применяемый к чему угодно в составе мироздания и ко всей вселенной целиком как конгломерату неких вибраций, а иным словом, колебаний. Схожий термин физиков — волна.

Спиридон, как заправский эзотерик или даже физик-теоретик, оперирует термином вибрация применительно к мышлению, но не уточняет, что именно вибрирует и в чем именно производится «вибрирующая струя» как некий «след мысли». Без такого уточнения спиридониианский пассаж о «вибрирующей струе» мышления произнесен не о природе мышления, а, что называется, ни о чем.

Схолия 3. Вопрос: почему тут получается абракадабра? Это весьма заковыристый вопрос не то что в плане отыскания истины (правильного ответа), но даже в плане вычисления вразумительных гипотез.

Диалог XIX. «Я – СУЩЕЕ ВНЕ ВНЕШНИХ ФОРМ ЖИЗНИ»

81-е сидение, 19.01.1883

После разного вздора, который мы, по обыкновению, прервали, отогнувшись от стола, потребовалась отчетливыми ударами русская картонная азбука. Вскоре стали получаться толковые сообщения, которые очень напоминали собой Спиридона, но автор их назвал себя «другом». Из последующего, однако же, оказалось, что этот «друг» был не кто иной, как Спиридон.

Собеседование началось так:

Спиридон: Щипнуть пора зазнавшихся жрецов.

Аксаков: Каких жрецов?

Спиридон: Нахальной науки.

Аксаков: Поясните.

Спиридон: Наук две, одна скромная работница, другая наглая болтунья¹. Последней служить приятнее и легче, поэтому жрецов ее расплодилось великое множество, вот их щипнуть давно пора.

Аксаков: В чем должен состоять щипок?

Спиридон: Щипок должен состоять в разоблачениях.

Аксаков: Которые написал я?

Спиридон: Да!

Тут я вспомнил, что во время перерыва мой молодой медиум спросил меня, выпустил ли я изданные мною «Разоблачения», т.е. историю нашей медиумической университетской комиссии², напечатанную мною еще в 1882 году.

Аксаков: Имеете об них понятие?

Спиридон: Некоторое, насколько о них можно по вас судить.

Аксаков: Но знаете ли, о каком ближайшем вопросе тут идет речь?

Спиридон: Дальнейший вопрос важнейший, ближайший мне менее ясен, причина понятна.

Аксаков: Поясните цель «Разоблачений».

Спиридон: Ну и прекрасно, только и надо сорвать личину, а там дело впереди.

Аксаков: Какое дело?

Спиридон: Дело всякого здравого исследования, так и вашего, надеюсь.

Аксаков: Моя специальность — исследовать медиумический вопрос.

Спиридон: Чую.

Аксаков: Надо ли преследовать научное изучение его?

Спиридон: Надо, вообще говоря, хотя точка опоры и тяготения за границей вашей науки. По-моему, все, о чем можно учить либо чему учиться, есть наука.

Аксаков: Вот вы общаетесь, разве это не точка опоры?

Спиридон: То будет не наука в вашем смысле, а учение.

Аксаков: Самый процесс сообщения есть явление, требующее научного объяснения.

Спиридон: В этой части наибольший интерес.

Аксаков: Значит, оно принадлежит науке?

Спиридон: Я уже сразу сказал, что да.

Аксаков: Надо ли поощрять занятия медиумическими явлениями?

Спиридон: Бесконечная нить, одно обуславливает другое. На деле и худо, и хорошо, но ведь у вас не может быть только хорошо. Во всяком случае вопрос далекого будущего³.

Аксаков: Можно ли доказать медиумическими явлениями существование духовного мира и возможность общения?

Спиридон: Правильно, можно доказать.

Аксаков: Следовательно, это важнейший из вопросов?

Спиридон: Остается желать и долго ждать в той среде, где такое познание всего ценнее было бы, хоть это и громадное меньшинство всего человечества.

Аксаков: Вы подразумеваете интеллигентную «среду»?

Спиридон: Так сказать, самую человеческую.

Аксаков: С чем или с кем мы беседуем? Прошу дать философское определение.

Спиридон: Вечно существующее за пределами одной из внешних форм существования, называемого жизнью⁴.

При перечитывании, после слова «существования» прибавил: «то есть своего».

Аксаков: Этому «вечному существу» вы даете подкладку человеческой индивидуальности?

Спиридон: Оно всегда должно быть индивидуально, так как оно является только частным проявлением своей субстанции.

Аксаков: Признаете себя существом, некогда жившим на земле?

Спиридон: Да, по опыту, хотя прямого сознания не имею⁵.

Аксаков: По какому же опыту?

Спиридон: Опыт душевного ощущения личного и опыт на других.

Аксаков: Но как же вы тогда можете говорить по-русски?⁶

Спиридон: Это действительно требует пояснения. Сперва пример: никто не спросит человека, как он ходит с носом на лице, не зная, откуда он. Потом скажу, что результаты бывшей земной жизни моей все налицо, это и дает душевный опыт, о котором я говорил. Дальнейшие подробности моей земной жизни мне больше неизвестны, как вы не знаете, конечно, кто вас когда крестил, имя дал, а все твердо знаете, что было вам два дня, как и пять лет. Прощайте.

Аксаков: Прошу минуточку обождать, вот я перечту.

Читаю.

Спиридон: Правильно.

Аксаков: Еще слово, как вас звать, на случай?

Спиридон: Меня называйте другом.

В этом сообщении правописание было правильное, обыкновенное, то есть «ъ», «ь» и «е» и пр. указывались как следует. Быть может, это была уловка, чтобы под именем «друга» мы не признали тотчас Спиридона.

На следующих двух сеансах, 82-м и 83-м, опять получился всякий вздор, и потому я здесь их опускаю.

Схолии к диалогу XIX

Схолия 1. «Наук две, одна скромная работница, другая наглая болтунья» — хорошо сказано, не правда ли, о двоении науки как истинной и ложной, каковой дуализм актуален и сегодня, да так, как никогда ранее, ибо в наш безгранично лживый век сделались в той или иной мере манипуляторами массового сознания все источники информации, так что приходится включать логический анализ в отношении всего, попадающего в уши.

Схолия 2. «Медиумическая университетская комиссия» — это антиспиритическая акция под патронажем самого Менделеева, который на кой-то ляд, как ни неприятно такое сказать в адрес нашего блистательного первооткрывателя системы элементов, встал на сторону болтунов-псевдоэкспертов, ни бельмеса не смыслящих в том, о чем официально взялись болтать, против чего возмутился Аксаков в своих «Разоблачениях», но это глас вопиющего в пустыне и поныне, где пустыня — ученый мир (просьба правильно и без обид понять безобидный, по сути своей, парафраз ходкой евангельской аллегории).

Схолия 3. «Вопрос далекого будущего» — прошло полтора века с тех пор, как это сказано по поводу стараний Аксакова «доказать существование духовного мира», чем энтузиасты вроде Аксакова обречены заниматься под сенью и эгидой чего угодно, но только не Академии наук, потому как академическое древо наук (просьба не истолковывать вкривь) произросло на почве материализма и глубоко вросло корнями в косную материю, хотя тянется ветвями в противоположную сторону — к небу: в абсолют как вместилище искомой истины.

Схолия 4. «Вечно сущее за пределами одной из внешних форм существования, называемого жизнью» — вот как вдруг ответил Спиридон на вопрос, кто он такой, до этого много раз уходя от ответа.

«Вечно сущее» — это тут либо гипербола, либо чепуха, ибо вечное сущее есть несотворенное сущее, а это бог и то, что присуще богу и составляет тождество с богом в естестве бога, как-то: абсолютный разум, абсолютный дух, абсолютная истина, абсолютное сознание.

За вычетом притязания на вечность, самопрезентацию Спиридона как «сущего за пределами одной из внешних форм жизни» можно было бы с натяжкой признать попыткой высказать истину, но нарочитой витиеватостью фраза отклоняется от интеллигентной нормы серьезного разговора и звучит пижонским каламбуром в фирменном стиле Спиридона.

На последовавший вопрос Аксакова насчет «человеческой индивидуальности» этого «вечно сущего», это «вечное сущее» бойко барабанит, что «оно является частным проявлением своей субстанции». И если под субстанцией следует подразумевать бога, а кого ж еще, раз она вечная, стало быть, Спиридон есть «частное проявление» бога. Это уже не каламбур, а отъявленный софизм и не очень изобретательный, как и в другие разы, когда Аксаков загоняет Спиридона в философский угол.

Схолия 5. «Прямого сознания не имею» о том, что был человеком, говорит «экс-человек» Спиридон, но добавляет, что имеет «опыт душевного ощущения» себя бывшим человеком. Помнится, в диалоге II Спиридон высказался более определенно по поводу своей минувшей человеческой жизни: «Я, конечно, сознаю себя другим, но знаю, каким себя сознавал».

Если вы вчера с достаточной (в рамках житейской нормы) ясностью сознавали самого себя и помните (знаете) об этом сегодня — вам больше ничего (никакого еще «душевного ощущения») не надо для того, чтобы знать, кем вы сознавали себя вчера, независимо от того, кем вы признаете себя сегодня.

Воздержимся, однако, от придилок к словам. Главное не то, в каких выражениях и на каких основаниях Спиридон говорит, что он знает о том, что он был человеком. Главное, что он в этом уверен и систематически утверждает, что он есть «экс-человек». И первейший в связи с этим утверждением вопрос: правда это или неправда?

Если правда, то следующий вопрос: что собой представляет «экс-человек» и чем отличается от человека? Поскольку от этого вопроса «экс-человек» Спиридон ускользает ужом, постольку автоматически попадает под подозрение он сам как субъект, реально существующий, а не имитируемый как роль, достоверно и блестяще сыгранная каким-то неизвестным актером.

Схолия 6. «Как вы можете говорить по-русски?» — этот вопрос Аксакова, на удивление, воспринят Спиридоном с должной серьезностью, так что он не отщучивается, как можно было бы ожидать, а соглашается: «Это действительно требует пояснения». Но так и не поясняет, откуда он знает русский язык, дескать, знает, да и все тут.

Диалог XX. «ЕСТЬ ДВА-ТРИ ВЕНТИЛЯТОРА НА СВЕТЕ...»

84-е сидение, 10.02.1883

Сидение началось очень вялыми стуками стола, которыми потребовалась русская азбука, и вялым указыванием букв сложилась пустая фраза. Мы прервали сеанс, и речь зашла о причине получаемых на сеансах пустяков. Так прошло минут 10, когда тремя легкими ударами потребовалась русская азбука и быстрыми указаньями букв сложилось следующее:

Спиридон: Довольно недурно, любезнейший. Мой бонжуррр.

Аксаков: Должно быть, Спиридон. Кажется, его девиз?

Спиридон: Ну, а пропо* (*кстати), какая доказательность девиза? Проморил вас маленько, хоть и был один раз на манер великих людей мира того.

Аксаков: Вероятно, инкогнито, у нас?

Спиридон: Именно.

Аксаков: Но не назвались?

Спиридон: Именно.

Аксаков: А смотрели, как дурачат нас другие?

Спиридон: Сам грешным делом этим занимался.

Аксаков: Это под именем вице-Спиридона, что ли?

Спиридон: Не, не, лучше. Вице-то так вице и был я своим чередом.

Аксаков: Ну, скажите!

Спиридон: Догадайтесь, вам угодил очень.

Аксаков: А, так это «друг».

Спиридон: Именно, а вот адрес.

Аксаков: А вот адрес — что такое? (*Думая что «р» — ошибка, я прочел: «а вот адрес»).

Спиридон: Врете, было: а вот адрес* (*a votre adresse), т.е. для вас специально сия метаморфоза.

Аксаков: Т.е. лично для меня? Да, тон другой, не вечно иронический.

Спиридон: Вот-вот, на грош повыше.

Аксаков: Вот мы говорили про массу пустяков от вашего брата — поясните-ка нам сами?

Спиридон: А ведь я сейчас хвалил, право недурно, я б только покороче сказал: причин две, одна в вас, другая в нас, одна снизу, другая сверху.

Аксаков: Это и мы понимаем, но вопрос — может ли это быть результатом одной нашей бессознательной деятельности?

Спиридон: Ну, дяденька, об этом говорено мною, почитайте на досуге.

Аксаков: Причина в нас?

Спиридон: Да, участвуете, взаправду, успокойтесь.

Аксаков: Да не про участие, а можем ли одни, без вашего участия?

Спиридон: Вот по такому именно поводу я уже говорил, тоже после кого-то. Вы

спросили: видел ли я, кто до меня был и как-де это произойти могло, вот я и разглагольствовал.

Аксаков: В том-то и дело, что очень мало сказано: не знаю, может быть, и сами складываем.

Спиридон: По-моему, может¹.

Аксаков: Почему все ждете вопросов, скажите, наконец, кое-что и от себя!

Спиридон: Очень просто, вы спрашиваете то, что знать хотите, стало быть, вам полезно так, думаю, так и учить надо бы... не понимаете.

Толкуем про себя, что бы это могло значить.

Спиридон: Почти; просто учить вообще следовало бы, отвечая, как и греческие мудрецы, поворотите на себя.

Аксаков: Т.е. применить это к себе?

Спиридон: Вот вам, пожалуй, одно сказать небесполезно, что мне вас навещать, ой-ой, не очень-то легко. И разве только дать ответы на некоторые ваши вопросы — может меня пробуждать. Потому же долго отсутствовал, к тому же много уже наворочал.

Аксаков: Почему так трудно? А когда-то обещались всегда приходить, когда попросим.

Спиридон: Хитер, брат; в той или иной форме, а в существе все тот же вопрос — как, мол, к нам ходят!

Аксаков: Так что за беда?

Спиридон: И не беда, да ответа нема.

Аксаков: Изучаете ли там свой мир, законы бытия, как и мы?

Спиридон: И да, и нет. Изучаем, но и просто видим. Есть два-три вентилятора на свете, в которые и тут, и там уж много мыслей улетучилось, а все дует. В остальном нам повиднее.

Аксаков: Хоть, например, о высшем начале сильно дует.

Спиридон: Именно, да еще как, многие с флюсом ходят, а зубы не годятся. Об этом предмете и ваши бредни на нашей бирже продаются².

Аксаков: Но ведь какой-нибудь культ есть у вас?

Спиридон: Не без того.

Аксаков: В чем выражается?

Спиридон: Я вам только что сказал, что по этой части у нас происходит, потом меня ничему не учат, наконец, с вами об этой материи говорить еще мудренее.

Аксаков: Да, право, не знаешь, о чем вас и спросить, все не по вас.

Спиридон: Просто вопросы ставить не умеете³, все в чужой огород лезете⁴.

Аксаков: Понятно, что лезешь.

Спиридон: Да больно уж далеко, ну не смешно ли вам говорить про то, как у нас о высшем начале учить приказывают⁵, коли у вас у самих на эту тему все исчерпано, что только в человеческой голове вместится может. Прощайте.

Аксаков: Погодите маленько, перечту. Что ж, можем надеяться опять услышать вас?

Спиридон: Помаленьку, часто трудно, а мы тоже эгоисты не последние.

Не разбираю, переспрашиваю: «А мы то...» — но указка уже сошла с азбуки и более не двинулась.

Схолии к диалогу XX

Схолия 1. «По-моему, может» — Спиридон сим подтверждает, что спиритическая диктовка вообще и в принципе, то есть не во всех, но в ряде случаев, может производиться душой медиума за порогом сознания без участия потусторонних (зовущихся духами) субъектов, подобно тому как не требуется такого участия для возникновения сновидений, да и вообще для любой бессознательной душевной деятельности, скрытой от обладателя души (от человека) за порогом сознания хоть во сне, хоть наяву, хоть в состоянии транса, хоть в обычном состоянии сознательного бодрствования.

Схолия 2. «О высшем начале... и ваши бредни на нашей бирже продаются» — читай: религиозно-философские представления человечества о боге пользуются некоторым спросом среди насельников духовного мира. Называя бреднями то, до чего додумались лучшие умы человечества, Спиридон, как обычно, не подкрепляет свое шутейное высокомерие никакой аргументацией и никакими определениями «высшего начала», по каким было бы заметно, что потусторонний судья выносит вердикт не скоморошески от фонаря, а компетентно на базе знания истины, непостижимой человеком и постижимой «экс-человеком».

Схолия 3. «Вопросы ставить не умеете» — так поправляй и ставь сам, умелец, дай мастер-класс и покажи класс в постановке вопросов, да ответить не забудь. Но нет: сам

он только и делает, что увильивает от вопросов.

Схолия 4. «Все в чужой огород лезете» — да есть ли вообще огород, в который можно залезть в беседе с таким шпионским овощем оттоле?

Схолия 5. «Ну не смешно ли вам говорить про то, как у нас о высшем начале учить приказывают» — а не смешно ли, что сведущий не может сказать ничего внятного о том, в чем он сведущ. Не иначе, такому знатоку высшего начала просто-напросто нечего сказать о высшем начале, да и о любых началах бытия и мироздания.

Диалог XXI. «СВЕТ ДУХОВНЫЙ ЕСТЬ ИСТИНА В НРАВСТВЕННОМ НАЧАЛЕ БЫТИЯ»

85-е сидение, 1.05.1883

Произошел долгий перерыв после сеанса 10-го февраля, вследствие болезни одного из моих медиумов и приезда сюда известной родоначальницы спиритического движения Kate Fox¹, по моему приглашению. Сегодня мы возобновили наши сидения. Вскоре потребовалась русская азбука.

Аксаков: Можете ли указывать буквы?

Спиридон: Могу, разные...

Затем сложился ряд букв, не давших никакого смысла.

Аксаков: Ну, начался обычный вздор, видно, надо бросить!

Спиридон: Сомнение уж многих погубило.

Аксаков: Как не усомниться, когда чепуха началась!

Спиридон: Это ничего, потом наладится, давно вы не садились с нами поговорить.

Аксаков: Кто это «с нами»?

Спиридон: Друг и ваш собеседник.

Аксаков: «Друг», но который? Их много было!

Спиридон: Н один.

Аксаков: А вы сказали «с нами»?

Спиридон: С нами — значит и с другими, равными мне.

Аксаков: Что значит «н один».

Спиридон: Нет.

Аксаков: Дело не подвигается, все же не знаю, кто говорит!

Спиридон: Нужно вспомнить, и подвинетесь, вы забыли меня.

Аксаков: Трудно вспомнить без имени, был однажды «друг», да Спиридоном оказался, а теперь и орфография не его!

Спиридон: А Спиридон ваш друг и есть. Почему не изменить орфографию², я это уже раз сделал.

Аксаков: Коли это вы, хорошо! Видели, что у нас тут делалось это время по части спиритизма?

Спиридон: Нет, я давно не был на земле³, а кроме того, вообще бываю только у вас. Тяжелое время, переживаем и мы за вас всех, т.е. человек, тоска глубокая находит временами.

Аксаков: Поясните.

Спиридон: И конец века этого тяжелый; всюду на земле растет безверие и грубеют души. Чем дальше, тем хуже, пока не лопнет мыльный пузырь 19 века⁴. Скоро ли узнаете вы, что лучшее духовное настроение жителей земли — кислород нашей атмосферы, так сказать. А в теперешнем нашем воздухе много азота, духоты.

Аксаков: Это странно, мы никак не полагали, что вы можете терпеть от нас; привыкли думать, что свет наш от вас.

Спиридон: Свет-то, пожалуй, от нас, но об этом пару слов потом. Ну а от вас, почтенный, чад к нам тянется, конечно, он нас не мрачит, а все же скорбь за вас наводит. О свете скажу: раз — он доступен только свету же, хотя и меньшему. Два — мы в пространстве его сознательно участвуем, только насколько он совместим с нутром каждого из вас. Три — свет наш, вообще говоря, конечно, играет роль в вашем состоянии, но это вообще имеет мировое бесконечное значение, и через весь ряд веков вашего существования.

Покуда перечитываем конец, продолжает:

Спиридон: И это уже бессознательно.

Аксаков: Что такое «ваш свет», потрудитесь дать определение⁵.

Спиридон: Свет наш есть истина в нравственном начале бытия.

Аксаков: Ого!

Спиридон: Т.е. что бытие имеет начало нравственное и что сознание его есть истина великая.

В то время как я думаю об определении «нравственного начала», он сам продолжает:

Спиридон: А что значит нравственное — значит согласное с волей совершенной и в ней неустанно совершенствующеся.

Аксаков: Вы говорите о «нравственном», то есть, начале?

Спиридон: Все равно, понятие нравственного таково.

Аксаков: Вот тут и закорючка — как познать «волю совершенную»?

Спиридон: Тут вечная закорючка, да иначе и быть не должно, а не то были бы только счастливые и несчастные — должны же быть хорошие и нехорошие.

Аксаков: Опять скажу: что такое «нехороший»? Для всякого нехорошего и нехороший — хорош.

Спиридон: А для духа вашего, думаю, все равно, кому он хорош, важно, хорош ли он истинно — этот вопрос душа всегда сама себе задает — совесть — вот работай, никогда не останавливаясь, — это главное.

Аксаков: Т.е. «совесть», задает?

Спиридон: Совесть слово.

Аксаков: Опять «хорош ли истинно» — как решить этот вопрос?

Спиридон: Решать его надо бесконечно. Довольно. Прощайте.

Аксаков: Значит, никогда не решится?

Спиридон: Решение его есть внежизненное бытие.

Аксаков: Что такое «внежизненное бытие»?⁶

Спиридон: Существование абсолютное, без начала жизни, т.е. вечной перемены и движения.

Аксаков: Ну, прощайте. Теперь расстаемся на лето. Надеюсь, осенью навестите нас опять?

Спиридон: Стараться буду. Желаю добра и света.

Схолии к диалогу XXI

Схолия 1. «Kate Fox» — это одна из сестер Фокс, услышавших «рочестерские стуки» в точке старта классического спиритизма: 1848. Аксаков привозил в Петербург нескольких выдающихся медиумов, но их сеансы в России были в основном провальными и простимулировали ученое зубоскальство по поводу спиритизма. Правда, Дэниел Хьюм имел успех на закрытых сеансах в императорском дворце, да такой успех, что и первая жена, и вторая жена этого конгениального медиума были из высшей русской аристократии.

Схолия 2. «Изменить орфографию» — это весьма любопытный технический нюанс, показывающий, что собеседник Аксакова в совершенстве владеет русским языком и с легкостью составляет из букв слова в режиме живого разговора, при этом применяя индивидуальную орфографию, по которой Аксаков тотчас узнавал Спиридона и не узнавал, когда тот специально не показывал фирменный почерк.

Если этот фортель проделывает вовсе не Спиридон, как-то откуда-то залезающий в душу медиума, а сама душа медиума, как-то зачем-то разыгрывающая спектакль под именем Спиридона (NB) втайне от своего обладателя, то особо интересно опять-таки, что такие штуки выкидываются так, что создается полное впечатление, что с Аксаковым разговаривает самосознательная личность, отлично сознающая то, что она диктует, и превосходно управляющая своей речью и техникой передачи мыслей посредством русского алфавита.

Сомнамбулы и роботы говорят не так живо и как-либо обнаруживают свое бессознательное или компьютерное естество, а Спиридон, повторимся, извинясь за повтор, ни в чем нигде не похож на сомнамбулу и робота: по содержанию сообщений Спиридона не отличить от человека, находящего в сознании и сознательно ведущего диалог с Аксаковым.

Схолия 3. «Я давно не был на земле» — спрашивается: а где был? На небе? Это где и как понимать? Но Аксаков уже не спрашивает о том.

Схолия 4. «Пока не лопнет мыльный пузырь 19 века» — в этом пассаже Спиридон впервые обнаруживает понимание истории и выступает если не провидцем, то аналитиком, прогнозируя исторический катаклизм в Европе за 30 лет до схлопывания «мыльного пузыря 19 века» в момент хлопка сараевского выстрела. И вместе с тем Спиридон выражает сострадание к человечеству от лица всех насельников духовного мира, будто бы наблюдающих с того света за происходящим на грешной земле, коснеющей во зле и пороке роковым образом, так что потусторонние наблюдатели не могут уберечь человечество от исторических бедствий и зол.

Далее следует пассаж о духовном свете, исходящем из духовного мира в мир людей: «он доступен только свету же... мы в распространении его сознательно участвуем, только насколько он совместим с нутром каждого из вас». Это звучит в унисон с

возникавшей ранее темой потусторонних «заступников» и, по обыкновению, весьма туманно. Такими туманами переполнены тут (на земле грешной) все мистические писания.

Схолия 5. «Что такое «ваш свет», потрудитесь дать определение» — не преминул полюбопытствовать любопытный Аксаков и воскликнул «ого!», слыша: «Свет наш есть истина в нравственном начале бытия». Недурно сказано. И следом — тоже хорошо и верно добавлено: «Бытие имеет начало нравственное, и сознание его есть истина великая». Далее — чистая моральная концовка диалога XXI. В ней Спиридон, в отличие от диалога III, не ударил в грязь лицом и рассуждал умно и глубоко, умнее и глубже Аксакова, хотя от неземного учителя следует ожидать большего. Аксаков, имея основания отнестись без пиетета к моральному философствованию Спиридона, норовит поспорить, но тут это, пожалуй, зря. Главное ведь не в том, насколько умно и правильно рассуждает гость с неба сей о том, о чем на земле рассуждают и получше, — главное в том, кто он вообще такой, без дураков и кроме шуток.

Схолия 6. «Что такое «внежизненное бытие»? — Аксаков требует пояснить несуразное выражение. Оказалось, что имеется в виду «существование абсолютное, без начала жизни, т.е. вечной перемены и движения». Это тоже есть весьма беспардонная (логически) и путаная несуразица и нелепица с претензией на философский смысл. Одним словом — софизм.

Если Спиридон — субъект, то спиридоанианская софистика сродни человеческой и может радовать нас как сопутствующий элемент встречи с братом по разуму.

Если Спиридон — имитация субъекта, то спиридоанианская софистика — программный элемент имитации, состоящий в копировании среднестатистической человеческой способности философствовать в текущем моменте эволюции человечества.

Диалог XXII. «ЧТО МОЖЕТ ДУХ ПОСТОРОННИЙ, ТО И ВАШ»

96-е сидение, 8.04.1884

Мы имели десять промежуточных сидений, с 20.11.1883 по 11.03.1884, которые нам ничего не принесли; получался либо вздор, либо ничего, и мы уже совершенно потеряли надежду побеседовать опять со Спиридоном, когда совершенно неожиданно, на 96-м сеансе, он откликнулся. Это сидение сперва началось с какого-то вздора, но очень скоро вмешался Спиридон, и завязалась следующая беседа:

Спиридон: Разве вам что нужно?

Аксаков: Нужна толковая речь, а не пустяки.

Спиридон: На что? Разговора ради?

Аксаков: Нет, иногда договоришься и не до пустяков.

Спиридон: А какая разница между такими пустяками и непустяками? Или все пустяки, или все непустяки.

Аксаков: Разница та, когда не пустяки, говорят это не мы, это «духи».

Спиридон: По мне, и духи, и вы сами — для вас одинаково тайна, и что может дух посторонний, то и ваш.

Аксаков: Важно именно убедиться, есть ли тут «посторонний»?¹

Спиридон: Что может дух посторонний, то и ваш — я говорю.

Аксаков: Позвольте же, кто это «я говорю»?

Спиридон: Для вас одинаково тайна, я утверждаю: я дух посторонний, я дух ваш² — это все равно и все тайна для вас.

Аксаков: Верно, что тайна, но важно убедиться в объективности этого постороннего.

Спиридон: А вы знаете объективность вашего духа? Нет. А объективность другого? Тоже нет, я говорю.

Аксаков: Это игра слов, личность имеет же свои признаки!

Спиридон: А у вас игра понятий, м.г.* (**милостивый государь*); я не говорил о признаках ваших, о которых всякий из вас судить может, а о признаках иного различия. Может ли то (**сделать*) ваш дух своими средствами, о которых вы судить не можете, или нужны средства духа постороннего, о которых вам ничего неизвестно... Вот и выходит белка в колесе.

Аксаков: Верхние строки непонятны, прошу исправить.

Спиридон: Я ставлю вопрос: проявляется индивидуальная личность — почему она не ваша? Потому ли, что не то говорит, что вы думаете?³

Аксаков: Нет, а потому, что говорит иногда то, чего не знаешь, называет себя...

Спиридон: Ну, так я начал с того, что вы не знаете, что ваш дух может, чего не может⁴.

Аксаков: Как не знать?

Спиридон: Знаете, ну, молодец! Чего же вам еще. А я думаю и сказал сначала, что для вас должна быть одинакова тайна — чи ваш дух, чи не ваш проявляется. Не в имени тут речь, не в разнице познаний. Границы собственного «я» для вас — (хотел сказать: «неизвестны», но запнулся) — виноват, они ведь вам известны.

Аксаков: Оставьте диалектику, а коли вы так умеете рассуждать, скажите просто — кто же вы?⁵

Спиридон: Да послушайте, неужели вы очную ставку делать будете, я ли я или не я, а вы сами, — кто же судья? Или я скажу, что я — я, и вы успокоитесь, потому что знаете, что это я, а не вы. Каково самомнение и какова же и наивность.

Аксаков: Значит, по-вашему, тут толку не доберешься, и нечего этим заниматься?

Спиридон: По мне, убеждения в посторонней индивидуальности тут не найдешь, а только на готовое убеждение интересный и поучительный материал. Можно убедиться, что проявляется дух, что он даже разнится от всех присутствующих индивидуальностей, поскольку вы их знаете; что духовная эта личность то глупее, т.е. ниже, то умнее, т.е. выше вас всех. Но почему это не может (**быть*) ваш собственный дух, либо всех вместе, либо посторонний живой или мертвый — все это доступно только людям, как вы, вопроситель, который знает границы духовной личности своей и, стало быть, кое-что маракует о чужих.

Молчание.

Спиридон: Ну, тютю.

Аксаков: За вами не угонишься.

Спиридон: Ну подумайте, приду я — я, я — вы.

Аксаков: Мы-то все те же, а вас-то всю зиму не слышали!

Спиридон: Так может (**вы*) то умнее, то глупее, да и это вам, конечно, неизвестно. Прощайте, пока, до 232.

Аксаков: Прошу пояснить.

Оказалось, что это была ошибка, он хотел указать 22 и пояснил:

Спиридон: Дандесмен.

Вскоре догадались, что это значит: «dans deux semaines» (через две недели).

Аксаков: Так приходите, я кое-что заготовлю.

Спиридон: Пожалуйста, рад буду дельные речи услышать.

Складывание происходило так быстро, что я едва успевал записывать; многие слова Спиридон только начинал, и едва я произносил окончание, как он уже шел дальше, так что его обычную орфографию в этом сообщении нечего и следить. Употребление слова «чи»⁶ было совершенно неожиданностью и по справке оказалось малороссийским выражением, равносильным нашему или, аль, либо и т.д. Много раз, чтобы разобратсья, он сам указывал знаки препинания, которые в подлиннике мною двукратно подчеркнуты.

Схолии к диалогу XXII

Схолия 1. «Важно убедиться, есть ли тут «посторонний» — Аксаков объявляет сим цель спиритического общения, состоящую в доказательстве существования духовного мира и насельников его, будто бы выходящих на связь на спиритическом сеансе (ч.т.д.).

Спиридон возражает: «Что может дух посторонний, то и ваш» — и сим Спиридон объявляет вновь, что спиритическая диктовка может оказаться продуктом бессознательного мышления медиума, но, надо полагать, подразумевается лишь один из возможных вариантов, ибо: себя-то Спиридон не причисляет к таким продуктам и относит свою диктовку к другому варианту обусловленности феномена диктовки.

Схолия 2. «Я дух посторонний, я дух ваш — это все равно и все тайна для вас» — читай: вы, люди, не знаете, на что способен ваш собственный дух, и может оказаться, что дух медиума способен выступать в роли и в маске Спиридона, ведь способен же он на другие, не менее дивные чудеса спиритизма, такие как вещание медиума в трансе на древних языках, самопроизвольное по виду поднятие в воздух столов и самого медиума, апорты и, наконец, материализация спиритических существ типа преславной и доказанной де-факто Кэти Кинг, столь же славной Иоланды и бородача, сфотографированного Аксаковым. Если на это все способен дух медиума, то почему бы духу медиума не быть способным выступить в роли и в маске Спиридона?

Спиридон, наводя Аксакова на эту мысль, как будто хочет окончательно сбить с толку и запутать Аксакова, который добивается от Спиридона доказательств субъектности Спиридона, а тот вместо доказательства себя объявляет, что он может оказаться маской, напыленной духом медиума за порогом сознания. Если б в роли медиума

выступал сам Аксаков и сам принимал диктовку без помощи двух медиумичных родственников, то Спиридониада была бы разговором Аксакова с самим собой, в случае иллюзорности потустороннего участника как порождения духа медиума. По этому варианту Спиридоном был бы сам Аксаков, точнее, дух Аксакова, а еще точнее, дух души Аксакова как бессознательный субъект, скрытый за порогом сознания.

Бессознательный субъект, являющийся элементом конструкции человеческой души, обнаруживает себя как сновидец и как сомнамбула, когда душа погружена в сон или в транс, а когда душа пребывает в сознании, она раздвоена по стороны порога сознания как самосознательный субъект, явствующий по сю сторону порога сознания, и как бессознательный субъект, скрытый по ту сторону порога сознания. Засим потусторонний Спиридон может (теоретически) оказаться актерской маской бессознательного субъекта, принадлежащего душе медиума и ломающего спиритическую комедию как нечто, происходящее в душе медиума помимо воли и сознания медиума, хотя медиум пребывает в сознании и сознает саму комедию, не сознавая причинность ее.

С тех пор как вошла в моду философия бессознательного, в числе философских банальностей, звучащих как аксиомы, есть тот трюизм, что мышление человека, пребывающего в полном сознании, является далеко не полностью сознательным, ибо оно двоично как одновременно сознательное и бессознательное, да так, что до сознания доходит (сознается) лишь малая часть из всего того, что мыслит душа и что происходит в душе как мыслительный процесс, погруженный за порог сознания подобно айсбергу в океан. И давно известно о всяческих, не только спиритических, чудесах, производимых бессознательными недрами души. Поэтому в предуведомлении к Спиридониаде было сказано, что взгляд антиспиритов во главе с Гартманом на спиритическую диктовку как на продукт бессознательного мышления души медиума — небезоснователен, в отличие от их же глупого взгляда на Кэти Кинг как на коллективную галлюцинацию.

Но: если Кэти Кинг не объяснить как производное сугубо духа медиума без стороннего (потустороннего) воздействия, то не надо спешить с таким же объяснением и применительно к Спиридону.

Схолия 3. «Я ставлю вопрос: проявляется индивидуальная личность — почему она не ваша? Потому ли, что не то говорит, что вы думаете?» — вопрос по существу. Отрадно, что его задает и сам на него недурственно отвечает тот, кто всю дорогу ужом ускользал от вопросов по существу. Вообще в диалоге XXII (а еще более в следующем диалоге XXIII) Спиридон великолепен и великолепен не как каламбурист, эстет и эрудит, а как философски мыслящий субъект, зрящий в корень и ведущий диалог в сократической манере, так что спиридониадский каламбур, способствующий сбитию с толка и заметанию следов, уступает место сократической иронии как философскому инструменту, применяемому в диалоге с оппонентом для отыскания истины и верной точки зрения на обсуждаемый предмет.

Схолия 4. «Вы не знаете, что ваш дух может, чего не может» — читай: душа человека — айсберг, лишь верхушку которого видит человек и не может знать, как устроен душевный механизм мышления. Аксакову как будто изменяет проницательность, он просто не слышит Спиридона, восклицая: «Как не знать?» На это восклицание Спиридон барабанит иронически в позу Сократа: «Знаете, ну, молодец! Чего же вам еще». Теперь Спиридон загнал Аксакова в философский угол, но тот нашелся, как прищучить оппонента:

Схолия 5. «Оставьте диалектику, а коли вы так умеете рассуждать, скажите просто — кто же вы?» — вот основной вопрос Спиридониады, и Аксаков метнул вопрос, как копьё, защищаясь от нападения и предугадывая, что в ответ раздастся словесный шорох изворачивающегося ужа.

И шорох раздался, но не в фирменном каламбурном и самоуверенном стиле Спиридона, а в нетипичном для Спиридона растерянном тоне с нотками извинений: «Да послушайте, неужели вы очную ставку делать будете, я ли я или не я, а вы сами, — кто же судья? Или я скажу, что я — я, и вы успокоитесь, потому что знаете, что это я, а не вы».

Перефразируя короче: я — это я (Спиридон) либо я — это ты (Аксаков), и по второму варианту ты, Аксаков, говоришь сам с собой, а первый вариант недоказуем утверждением: я — это я.

И в дальнейшем пассаже Спиридон столь же умно и тонко пытается донести до Аксакова тот же умный и тонкий аргумент в других выражениях. Но штука в том, что аргумент-то предназначен для ухода от ответа на основной вопрос Спиридониады, который Аксаков метнул, как копьё, в пылу дебатов: «Кто же вы?» В ответ — опять уход от ответа.

Схолия 6. «Употребление слова «чи» — в постскриптуме к диалогу XXII Аксаков

обратил внимание на незнакомое ему малороссийское выражение «чи», которое сегодня, кажется, известно по всей России, а полтора века назад, судя по реакции Аксакова, в Петербурге не знали, что значит «чи», зато Спиридон — знал. Спрашивается: откуда? Из души медиума? Или из словарей, в которых справился Аксаков по поводу «чи»? Или из иных источников? Загадка на загадке, и все загадки Спиридоныады должны разгадываться вместе с ответом на основной вопрос Спиридоныады: кто или что есть Спиридон?

Диалог XXIII. «ВАШЕ ЗЕМНОЕ СУЩЕСТВО НЕ РАВНО ВАШЕЙ ДУШЕ»

97-е сидение, 22.04.1884

Спиридон сдержал свое слово и через две недели явился; но мы этого еще не знали, и когда стол двинулся и потребовал азбуку, я, по обыкновению, спросил какую; подложил русскую картонную, тотчас началось:

Спиридон: Готово.

Аксаков: Что готово?

Спиридон: Ну.

Аксаков: Кто говорит?

Спиридон: Валяйте.

Аксаков: Значит, Спиридон.

Читаю вопрос, заготовленный на листке:

Аксаков: Вы говорите: «что может дух посторонний, то может и ваш»; «границы собственного «я» для вас неизвестны». Вот ваше положение. Надо сговориться, А = А или нет? Я = самому себе или нет?¹ Иван может ли быть равен Петру или сделаться Петром или нет? Если может, то надо отказаться от наших понятий об индивидуальности. Отказываетесь или нет?

Спиридон: Много; в сущности вопрос так: равняется ли ваше я самому себе — лишний; скорее — равно ли ваше земное, вами и другими осязаемое и понимаемое существо, вашей душе, внутреннему духу вашему — конечно н (*нет*).

Пауза, продолжает:

Спиридон: Для этого есть у вас доказательства того же распорядка.

Аксаков: Потрудитесь пояснить разницу между нашим «земным существом» и «душой»?²

Спиридон: Первое — частичное проявление последнего в разных состояниях, в разных степенях, а потому даже не может равняться (*ему*), и действительно — какой смысл имел бы земной костюм, если бы он ни в чем не менял облакаемое им зерно.

Аксаков: Такой взгляд ваш сводится, в сущности, к предсуществованию и перевоплощению души.

Спиридон: Вроде зачем перевоплощение, почему не постепенное развитие, проявление, что ли?

Аксаков: Для подобного развития необходимо сознание предсуществующего состояния?

Спиридон: Да кто же вам сказал, с какого момента это сознание должно начаться — может быть, оно просыпается, именно когда это важно; т.е. после земного странствования. А то сознание о том, чего сознавать нельзя, есть и ненужная, и невозможная роскошь.

Аксаков: Между подобными существованиями должна же быть некоторая солидарность?

Спиридон: Солидарность разве не равенство, вы тоже, надеюсь, солидарны с божеством?

Думал, он не закончил, и проговорил:

Аксаков: Ну, — и он ответил:

Спиридон: Ну.

Аксаков: Мы, однако, уклонились в сторону.

Спиридон: Вернемся.

Аксаков: Это не мешает тому, что мое земное А = А и может удерживать признаки этого равенства.

Спиридон: Что правда, то правда, это само собою разумеется. А всегда А, но и только. Вам всегда больно, если вас порезать и пока вы именно А, но когда вы А плюс X, то вы можете и не ощущать ничего. Сапог равен сапогу, но не сапожнику.

Аксаков: Все это хорошо, но если земное А не теряет своих признаков, то это не мешает ему доказать себя и после смерти.

Спиридон: Что значит доказать, если ваше земное «я» — проявление другого «я» высшего распорядка; стало быть, первое ниже, стало быть, оно не доказательство, оно

его воспроизведение.

Аксаков: Для нас важно знать, что такое «другое я» существует, и потому за всякое возможное доказательство его мы должны цепляться.

Спиридон: Я не спорил против возможности и даже пользы такого «цепляния»; уцепиться не доказать, так, пожалуй, и повиснешь на воздухе!

Смех и пауза.

Спиридон: Довольно, что ли?

Аксаков: Этак мы не договоримся.

Спиридон: Я это и сам всегда думал.

Пауза.

Аксаков: Надо ему сделать толковый вопрос.

Спиридон: Пора.

Смех.

Аксаков: Вы сказали: «убеждения в посторонней индивидуальности тут не найдешь».

Спиридон: А какой же свод, как это, следовательно, убедиться?

Аксаков: Если медиум заговорит на незнакомом ему языке³, то естественно заключить, что это говорит не он, а тот, кто знает этот язык, то есть что он говорит от имени другой личности.

Спиридон: Это, конечно, забавно для того, который слушает, но не больше: почему музыкант, который все играл чирика, не может вдруг заиграть собачий вальс?

Аксаков: Тут ничего нет общего. Эта варьяция та же музыка. А чужому языку надо научиться; и о таких случаях не слышано и неведомо.

Спиридон: Как неведомо! Помилуйте — вы только что сослались на такой конкретный факт.

Аксаков: Именно, и когда такой факт дан, мы и имеем право заключить, что тут проявляется другая личность.

Спиридон: Вот тут уже спор о праве — я не юрист. Могу только повторить давно сказанное: до тех пор, пока вы не будете знать — может ли ваш дух, не обучившись китайской грамоте, заговорить вашим языком на китайском языке — до тех пор вы не будете иметь права, а по-моему возможности, утверждать, что в медиума влез чужой дух китайского происхождения, а не собственный его дух, в особом состоянии.

Аксаков: Да и не один язык является доказательством; можно заговорить и на своем, но проявить все признаки, всю характеристику другой личности.

Спиридон: А разве трусы не бывают героями, дураки умницами, т.е. во сне. Я сам раз слышал, как некто во сне говорил на непонятном и для меня, и для него языке.

Аксаков: Это не ответ. Тут степени состояния умственного. Я говорю о тех отличительных признаках, которые отличают одну индивидуальность от другой.

Спиридон: Да разве эти признаки непроницаемая тайна? Тогда как же вы сами их распознаете?

Аксаков: Они тайна в данный момент; подразумевается само собой, datum, что ни медиум, ни присутствующие не знают этих признаков.

Спиридон: Все вздор, проистекающий оттого, что вы играете словами «знает», «не знает». Датум по-вашему: сидит медиум и говорит, что ли, разную дребедень, якобы неизвестную. Датум по-моему: сидит человек, и чрез его язык проявляется его (*дух), он в особом состоянии и говорит то, что ни вам, ни ему, положим, неизвестно, но что может быть продуктом его духа.

Аксаков: Все вертится вокруг да около. Не о «древбедени» речь, а о том, когда личность, называя себя, указывает и все признаки своего земного существования, по которым можно проверить подлинность ее проявления.

Спиридон: Да что эти ваши признаки! Поневоле вертимся, если не хотите понять, что не патент же берется на признаки — их воспроизведение может быть доступно и Ивану, и Петру, т.е. их «духам».

Аксаков: Поневоле будем вертеться, коли выходит, что Иван может сделаться Петром!

Спиридон: Да можете ли вы в этом сомневаться, если вы сами допускаете, что душа может продолжать свое существование после жизни? Неужели вы можете думать, что ваши признаки не могут быть воспроизведены всяким кто пожелает?

Аксаков: Именно не думаю, ибо не понимаю, чтобы «всякий кто пожелает», и даже не зная меня, мог меня воспроизвести!

Спиридон: Да что, право, «знал, не знал», опять та же путаница. Вы меня не знаете, а я вас знаю — что же это значит. А кроме меня, вы всех знаете, кто вас знает? А знаете вы все, что ваш дух знает? А знает ваш дух по-китайски? Все это вопросы, их можно умножить. Ответ один: вы не знаете границ и способностей вашего духа. Я сказал, всякий кто пожелает, т.е. всякий дух может воспроизвести признаки любой чело-

веческой личности, коль скоро пожелает; сомневаться в этом нелепо тому, кто верит в бессмертие духа; ergo ваш собственный дух может преподнести вам сюрприз с точки зрения вашего собственного сознания. Полагаю, довольно.

Аксаков: Ну, и выходит в конце концов, что А не равно А.

Спиридон: А равно А уж потому только, что иначе быть не может, иначе абсурд; спор может там начаться, где станут определять, что А и что не А. Вот об этом только и стоит подумать. Прощайте.

Аксаков: Пожалуйста, чрез недельку навестите нас, да?

Спиридон: Не знаю.

Аксаков: Договорились до кое-чего нового, надо выяснить еще.

Спиридон: Все это так старо, как мир.

Аксаков: Так придете, что ли?

Спиридон: Не знаю.

Аксаков: Все-таки просим пожаловать.

Спиридон: Бонньюи (*bonne-nuit).

Прошло пятнадцать лет со времени получения этих последних сообщений Спиридона. Известно, что во время самой диктовки, которая происходит буква за буквой и притом с удивительной быстротой, едва успеваешь схватить общий смысл сказанного. С тех пор я никогда этих сообщений не перечитывал и совершенно забыл о их содержании; тем более они были для меня неожиданными и интересными, что подобные же взгляды были высказаны мною в моем последнем сочинении «Анимизм и спиритизм». К тому, что утверждает здесь Спиридон путем дедуктивным, я пришел и сам, но только путем индуктивным — т.е. на основании опыта. Его данные и заставили меня высказать следующее заключение: «Хотя мы и пришли нелегким путем к убеждению, что индивидуальный принцип переживает распадение тела и может, при некоторых условиях, снова проявляться через посредство человеческого организма, способного к восприятию подобных влияний, но, тем не менее, абсолютное (в строжайшем смысле слова) доказательство самоличности проявляющейся индивидуальности (именно вследствие этой, всегда присутствующей, возможности персонификации) — невозможно»⁴.

Схолии к диалогу XXIII

Схолия 1. «Я = самому себе или нет?» — Аксаков, по следам диалога XXII, решил внести философскую ясность по вопросу, кто есть кто. Спиридон без каламбурных уверток и вполне логично расценил вопрос (в формулировке, процитированной в зачине схолии) как по существу лишний, за очевидностью ответа: разумеется, «я» — это «я» как отдельное сущее, не совпадающее ни с каким другим сущим, и как обособленное мыслящее «я», отделенное в реальности от других мыслящих «я».

Из такой формулировки: «Я = самому себе или нет?» — одаренный софист надует мыльный пузырь псевдофилософской системы, но Аксаков не пробавлялся софистикой и, видимо, просто пожелал внести надлежащую ясность в то, кто есть кто в Спиридониаде, а именно: Аксаков — это Аксаков, а Спиридон (кто бы и что бы он ни был) — это Спиридон, а не Аксаков и не медиум, ни тот, ни другой из двух присутствующих медиумов.

Есть простая логическая формула самождественности вещей, применимая и здесь: вещь = эта вещь ≠ другая вещь: мое «я» = мое «я» ≠ чужое «я» (другое): моя личность = моя личность ≠ чужая личность (другая): Аксаков = Аксаков ≠ Спиридон. И то же касается аксаковских медиумов, через которых нарисовался и производил диктовку Спиридон.

В предыдущем диалоге XXII Спиридон сделал сильный акцент на том, что он, Спиридон, может оказаться продуктом бессознательного мышления медиума, откуда недалеко можно ошибочно умозаключить, будто бы в этом случае Спиридон есть сам медиум, но говоря строго без ошибки, Спиридон в этом случае не есть медиум, а есть роль, которую играет некий актер за порогом сознания в душе медиума, и этот актер тоже не есть медиум, ибо человек самождествен и является самим собой в сознании как самосознательный субъект, а не за порогом сознания, где скрывается оный предполагаемый актер как бессознательный субъект, становящийся заметным со стороны в трансовых состояниях души (например, под гипнозом в качестве гипнотической сомнамбулы) и остающийся незаметным в обычном душевном состоянии сознательного бодрствования.

Душа человека не есть сам человек, на что совершенно логично указывает Спиридон, употребляя термин «земное существо человека» как синоним человека.

Схолия 2. «Потрудитесь пояснить разницу между нашим «земным существом» и «душой»? — продолжил прояснять дело пронизательный Аксаков, и Спиридон без каламбуров поддерживает философский тон: «Первое — частичное проявление послед-

него в разных состояниях, в разных степенях». Вот в таких репликах Спиридон отнюдь не софист, а логически правильно мыслящий на философском уровне субъект, имеющий понятие, в данном случае, о фундаментальном и парадоксальном дуализме человека и души человека.

Строже и яснее говоря, личность человека есть духовная форма существования (и проявления) души человека в человеческом существе как мыслящее «я» души, оно же мыслящее «я» человека, оно же человеческое «я», оно же сам человек как духовное существо и как индивидуум со своими индивидуальными (личностными) особенностями, отличающими человека как мыслящего субъекта, не похожего на других субъектов, так что в стенограммах Аксакова можно легко отличить, где говорит Аксаков (одно «я»), а где говорит Спиридон (другое «я», реальное либо имитируемое, о чем можно наглядно судить по отдаленной аналогии с компьютерной Алисой).

Развивая далее тему дуализма человека и души человека, Аксаков и Спиридон обмениваются неглупыми репликами, отличающими истинных интеллектуалов, но не более того, а от Спиридона требуется больше, если он тот, за кого себя выдает: «экс-человек» и насельник духовного мира.

Схолия 3. «Если медиум заговорит на незнакомом ему языке» — Аксаков решил развить притормозившую мысль с толчка того небезынтересного факта, что спиритическая диктовка может осуществляться через медиума голосом или указкой на языках, неизвестных медиуму, как будто «это говорит не он... то есть он говорит от имени другой личности», каким-то образом залезшей в душу медиума или овладевшей душой медиумом за порогом сознания, вот как и Спиридон вещает через душу медиума, если только не сама душа медиума играет роль Спиридона.

Тут Спиридон не удержался от фирменного каламбура: «Почему музыкант, который все играл чижика, не может вдруг заиграть собачий вальс?» — читай: почему душа, способная говорить и всегда говорящая на одном языке (родном), не способна вдруг заговорить на другом, хотя и неизвестном ей, языке без всякого стороннего (потустороннего) участия, в силу неких скрытых способностей духа, обычно не проявляющихся в жизни человека за ненадобностью и проявляющихся в некоторых особых случаях и состояниях, таких как медиумический или гипнотический транс.

Далее последовал прелюбопытный философский спор, который, если его подвергнуть литературной обработке и искусно развернуть в стиле Платона, мог бы конкурировать смысловым изяществом с лучшими местами в диалогах Платона. Аксаков тут порядочно уступает Спиридону, а тот с уверенностью истинного мудреца стоит скалой на своем и с сократическим искусством лишает Аксакова шанса переспорить Спиридона и опрокинуть превосходящую в данном случае спиритицианскую аргументацию.

За счет своей истинной философичности в сочетании с прямым касательством до основного вопроса Спиридониады, кто или что есть Спиридон, диалог XXIII звучит завершающей кульминацией Спиридониады, а остаточный диалог XXIV выглядит формальным и несущественным эпилогом.

Последнее слово Спиридон ловко оставил за собой и закрыл диспут исчерпывающим резюме: «Всякий дух может воспроизвести признаки любой человеческой личности...»

Тем самым Спиридон утверждает, что в принципе этим воспроизведением может оказаться и он сам, Спиридон, как роль, сыгранная духом медиума за порогом сознания.

Но: Спиридон имеет в виду принципиальную, заложенную в природе души, возможность такого спектакля с неограниченной степенью достоверности имитации субъекта, несопоставимой с роботической имитацией вроде Алисы.

А главное «но» в подтексте этого пассажа Спиридона таково: применительно конкретно к Спиридониаде и к самому себе Спиридон, как сразу представился, так и до конца преподносит себя никоим боком не в качестве имитации субъекта, а в качестве доподлинного субъекта и «экс-человека», а свой отказ доказать себя аргументирует, как тот профессор: «Не хочу». Дескать, пусть доказывает Спиридона тот, кому это так надо, то есть Аксаков.

А тот через 15 лет исканий истины на поприще спиритизма пришел к выводу, что это доказательство невозможно и резюмировал диалог XXIII добавленной через 15 лет цитатой из своей книги «Анимизм и спиритизм»: «Абсолютное (в строжайшем смысле слова) доказательство самодичности проявляющейся индивидуальности — невозможно». Сей теоретический вывод Аксакова относится ко всем так называемым (спиритам) духам, выходящим на связь с людьми на спиритических сеансах, включая материализующихся духов, как Кэти Кинг, и не материализующихся, как Спиридон.

И стало быть, Аксаков оставил безответным и открытым основной вопрос Спиридониады, гласящий: кто или что есть Спиридон?

Диалог XXIV. «Я НЕ ЗНАЮ – БЕССМЕРТНА ЛИ МОЯ ДУША»

101-е сидение, 10.03.1885

Прошла почти целая зима, и мы к столику не присаживались. Получалось так много вздору прошлой зимой, что мы не имели никакой охоты опять сходиться для сеансов. Но тут произошло обстоятельство, которое возбудило во мне желание еще раз попытать счастье. Один мой хороший приятель, которому я прочитал несколько выдержек из сообщений Спиригона, заинтересовался ими и написал для него несколько вопросов. Вот для получения на них ответов мы и попробовали великим постом посидеть, не имея почти надежды услышать вновь Спиригона; и действительно, два первых сидения, 99-е и 100-е, были таковы, что впору было и вовсе бросить подобную трату времени. Попытались еще раз, и вот на этом 101-м сидении Спиригон, наконец, откликнулся, хотя и на этот раз вначале получался один вздор. Беседа завязалась следующим образом:

Спиридон: Желаю говорить, но трудно, устали и я, и вы.

Аксаков: Устали разве от бестолочи?

Спиридон: Едва ли будет толк.

Аксаков: От вас зависит толк.

Спиридон: Нет.

Аксаков: Кто говорит с нами?

Спиридон: Назван.

Аксаков: Нет, видно, Спиригона не дождемся!

Спиридон: Он не для вас приходил.

Аксаков: А для кого же, знаете?

Спиридон: Да.

Аксаков: Скажите, в таком случае.

Спиридон: Своего.

Аксаков: Какого?

Спиридон: Внутреннее.

Аксаков: Пояснить можете?

Спиридон: Он должен был.

Аксаков: Это значит, он приходил по своему делу, а попал к нам. Так ли?

Спиридон: Это все равно, где есть родное, туда всего скорее попадешь.

Аксаков: Что такое «родное»? Как-то загадочно.

Спиридон: Все то, что мы не понимаем, всегда загадочно.

Аксаков: А Спиригона лично знаете?

Спиридон: Лично, это я не понимаю.

Аксаков: Можно слышать о человеке и можно знать его в лицо.

Спиридон: У вас.

Аксаков: Это значит, что у вас всякое знание будет личным?

Спиридон: Всякое будет личным, т.е. безусловным.

Аксаков: Поясните, что значит «у вас», «у нас»?

Спиридон: У вас вот знают лично или не лично, у нас знают просто.

Аксаков: Что значит просто?

Спиридон: У нас вот нельзя знать, да не все знать, да не совсем; на это уже вы, господа.

Аксаков: Позвольте предложить вам заготовленные вопросы?

Спрашиваю, в чем состоит у них понятие о коренном пункте нашего вероучения.

Спиридон: Коротко нечего сказать, ну и пространно бесконечно. В чем состоит, то есть с какой стороны. Я буду показывать знаки препинания и опускать «ъ» и «ь». Какая часть учения бесконечного (**ищет на доске вопросительный знак и говорит*): где знаки вопроса и восклицания? (**Их на картоне не оказалось*).

Аксаков: Такое учение должно вам представляться как факт, следовательно, вы должны понимать его просто.

Спиридон: Понимаю я, как понимаю учение о божественности человека; другие — не знаю.

Аксаков: Спрашивается не ваше личное понятие, а общее в вашем мире.

Спиридон: Это вздор, сколько у вас христиан? Сколько не христиан? Вот в этом роде и у нас.

Аксаков: Другими словами, всякий при своем?

Спиридон: Еще бы! Конечно, не вполне — все резкое в различии сглаживается; а почему конфуцианцу не умереть, т.е. не быть у нас и с нами, — не ведаю, и факты говорят.

Аксаков: Но тут в основе факт, истина о нем должна же быть кому-нибудь извест-

на, и кому, как не вам?

Спиридон: Не мне, да и особенно не для вас; тут я личен, ибо грешен, как вы.

Аксаков: 2-й вопрос. Вы говорили о «заступниках», т.е. о существах, стоящих на высокой степени нравственного совершенства и помогающих нам в молитвах наших. В чем же эта помощь? Есть ли это непосредственное их влияние на помыслы наши или молитва за нас?

Спиридон: Где может первое — оно действительно, где первое не может — там второе; оно всегда возможно.

Аксаков: 3-й вопрос. Относительно прощения грехов мы имеем указание в заповеданных нам словах: прости нам грехи наши, как мы прощаем тех, которые нас обидели. В этих словах заключается, конечно, и процесс нравственного усовершенствования (**тут указка задвигалась, и сложилось: «то-то»*), но, очевидно, и надежда на прощение соделанных нами грехов. Почему же говорите вы, что мы неминуемо должны «пожаловать к вам со всем нашим грузом»?

Спиридон: О, да, господа, со всем; но по поводу этих слов скажу: кто сумеет сказать слова эти и совершить, тот, конечно, облегчит душу, а стало быть, и груз — понятно, да?

Аксаков: 4-й вопрос. В жизни вашей не предвидите ли вы нового изменения вашего существа, нечто подобное нашей земной смерти, как переход в более совершенные сферы?

Спиридон: Ну, вот из старых, вздорных, впрочем, любимых ваших вопросов.

Аксаков: Не мой на этот раз.

Спиридон: Это мне все равно, мне оттого не легче, кто спросил.

Аксаков: Почему же вздорный? Если здесь смерть — перемена бытия, то почему не может быть у вас чего подобного?

Спиридон: Очевидно, но что же?

Аксаков: У нас это гадательно, для вас сравнительно факт.

Спиридон: Сравнительно — тогда конечно да; но это само собою разумеется; не думал, что вопрос о сем, вот потому сказал, что вздорный.

Аксаков: Для нас это, во всяком случае, новый факт!

Спиридон: Нет, виноват; кто может вечность понять или допустить без перемен, тот просто об этом никогда не мыслил.

Аксаков: 5-й вопрос. В жизни наших земных животных имеется ли бытие, то есть сознательная жизнь после смерти? Имеете ли вы вообще какое-нибудь понятие о духовном значении жизни этих творений? Знаете ли вы о них более, чем мы, и что именно?

Спиридон: Вопрос большой; в них души есть свои, но не похожие на наши.

Аксаков: Переживают ли они свое тело?

Спиридон: Нет, их души смертны, смертнее наших, я скажу. Потому, чтобы вас на прощанье удивить, скажу, что я не знаю — бессмертна ли моя душа.

Толкуем, как прочесть: «потому» или «потом»? Указка показала: «му».

Аксаков: Надо бы вас еще помучить.

Спиридон: Довольно.

Аксаков: Через недельку навестите нас?

Спиридон: Не знаю, вопросы были неглубокие — такими не заманишь.

Аксаков: Почему сразу не назвались? Время зря потратили.

Спиридон: Не вашего ума дело, прощайте.

Таково было наше последнее собеседование со Спиридоном, да и сеансы наши затем прекратились. Предоставляю самому читателю вывести заключение, что такое было тот «Спиридон», который держал нам эти речи, и стоило ли эти «материалы» печатать.

Относительно слов Спиридона, в которых он выражает неизвестность о бессмертии своей души, я считаю бесполезным сказать несколько слов. Ответив утвердительно, что у животных есть свои души, но что они не переживают смерти своего тела, он добавляет: «их души смертнее наших, я скажу». Следовательно, в переживании своей собственной души он видит только ступень или только степень развития, а не нечто законченное; «потому» он и прибавляет, что «не знает, бессмертна ли его душа». Из этого мы видим, что подобный ответ его был строго логичный.

Тем не менее, слова Спиридона могут, действительно, удивить, потому что мы, обыкновенно, не делаем различия между пакибытием и бессмертием. Раз душа переживает тело, то она и бессмертна: таково обыкновенное понятие. Правда, душа может воскреснуть и после смерти жить в ином, духовном мире; спиритизм имеет притязание это доказывать; но это еще не значит, чтоб душа была и бессмертна, то есть вечна, без конца. Этого — спиритизм доказать не может. Философия же утверждает:

все, имеющее начало, должно иметь и конец; все, рожденное во времени, должно во времени и кончиться. Но душа рождена ли во времени — вот вопрос, на который, быть может, ответит отрицательно психология будущего.

Теоретическое заключение

Сделанный в схолиях к диалогам Спиридониады общий логический анализ одной попытке теоретическим заключением, построенным как последовательный ряд развернутых суждений 1-8, замкнутых каждое в своем смысловом объеме как логическая конструкция и связанных в подобную бусам логическую цепь нитью мысли, движимой вопросом, кто или что есть Спиридон:

Суждение 1. ДУАЛИЗМ ГЛУПЫХ И УМНЫХ СНОВИДЕНИЙ

Каждый из нас, людей, знает по себе, что сновидения очень часто характеризуются бессвязностью, алогичностью, сюжетной чехардой, сочетанием возможных и невозможных в реальности элементов и даже прямо-таки, что называется, бредом как-ким-то. Если бы у таких сновидений был самосознательный автор, отвечающий за свои вымыслы, то этот автор собрал бы все сильнейшие эпитеты, каких удостоиваются плохие сценаристы и режиссеры.

Такое впечатление, что глупые сновидения (так условно назовем оный формат снов) производятся в поле мышления сновидца некоей душевной программой, работающей по принципу непрерывности мышления в сочетании с принципом наименьшего (или простейшего) действия и заточенной клепать примитивную мыслительную продукцию, характеризующуюся нарочитой хаотичностью и абсурдностью, в противоположность известному логическому порядку, присущему сознательному мышлению души как обыденная норма, если только обладатель души не сумасшедший.

В числе снов противоположного формата (условно назовем это умными сновидениями) встречаются сны, похожие на произведения искусства и порой не уступающие лучшим шедеврам лучших мастеров. В логических рамках теоретического заключения к Спиридониаде акцентируем внимание на параметре смысловой содержательности и интеллектуального изящества языковых конструкций, вложенных по сценарию в уста персонажей умного сновидения.

Не случилось ли вам (если не случилось вам, то случилось другим) видеть сон, построенный как искусно сделанная пьеса, где действие развивается в диалогах говорящих персонажей и говорящих так умно, остро, красиво и так ново и неожиданно для вас, что вы (зритель-сновидец) частично просыпаетесь под впечатлением от эстетических эмоций и воспринимаете действие в полусне и в режиме так называемого осознанного сновидения, когда сновидец сознает созерцаемый сон в достаточной мере, чтобы после пробуждения не сомневаться в факте умного сна, даже если не запомнилась дословно ни одна реплика из впечатляющего спектакля, просмотренного в полусне.

Спрашивается: кто автор сновидческих диалогов? Первый ответ: кто угодно, кроме сновидца. Да и автор любых снов не сновидец. Ибо для того, чтобы быть автором чего-либо, надо сознавать самого себя и свою авторскую причастность к созданию этого чего-либо. Иначе какая разница между инженером, строящим плотину, и бобром, строящим плотину?

Положим, в так называемом творческом трансе или экстазе степень сознавания творческого процесса может понижаться чуть ли не до нуля, по ощущениям, но это, как уже сказано выше, не сомнамбулизм и не настоящий транс, это — разновидность автоматизма сознательной жизнедеятельности, в данном случае как машинальная отработка творческих идей и задач, кои, невзирая на свой детерминизм за порогом сознания, отрабатываются в сознании и в режиме сознательного мышления, а не во сне и не в сомнамбулическом трансе.

В силу тождества мыслящего субъекта и сознания (см. теорему тождества субъекта и сознания: тео-теорему 9 в §3 «Тео-теоремы»), сновидец не есть мыслящий субъект: сновидец не есть производитель мышления, а есть пассивный (безвольный) созерцатель продуктов сновидческого мышления, то есть снов, производимых в нем самом не им самим за порогом сознания.

Логически очевидно, что сновидения создаются программно-автоматическим образом в мыслительном механизме души. Программный автоматизм глупых сновидений напоминает заставку на экране монитора в спящем режиме работы компьютера. Программный автоматизм умных сновидений, ввиду их сходства с произведениями искусства, аналогичен тому, как за порогом сознания работает в душе творческая мысль незаметно для обладателя души с результатами, заметными в сознании.

Суждение 2. ДУША В КАЧЕСТВЕ ТРАНСЛЯТОРА

Мастера искусства создают свои шедевры, осуществляя творческие идеи, вынашиваемые в душе подобно зернам, прорастающим в благодатной почве. Ответ на вопрос, откуда берутся в душе творческие идеи и где находится их источник, в самой душе или вне души, отыскивается на основе определения творческой идеи как логического образа истины, претворяемой в жизнь в виде вырастающего из творческой идеи творческого плода, например, в виде произведения искусства.

Этим определением искусство и всякое истинное творчество принципиально и фундаментально противопоставляется псевдоискусству и псевдотворчеству, произрастающему из псевдотворческих идей, измышляемых тем же манером, каким измышляются всякие-разные смыслы на поприщах всяческого смыслотворчества, тогда как истину измыслить невозможно в принципе.

Дуализм творческих и псевдотворческих идей укладывается в логические рамки более широкого и общего дуализма истинных и ложных идей, с поправками для творческой фантазии, работающей на истину или против истины.

Истинно творческие идеи, реализуемые в плодах истинного творчества, принципиально отличны от псевдотворческих идей как сама истина, содержащаяся в идее свернутым образом, в соответствии с базовым определением идеи как логического образа истины и реальности, предсуществующей в идее как проект (см. §21 «Идея» книги «Бог»).

Истина абсолютна, ибо вечна, неизменна и не может ни исчезать, ни возникать как нечто выдуманное кем-либо, будь этот кто-либо хоть сам бог: истина вечно содержится в абсолюте как в абсолютном разуме и составляет абсолютный предмет мышления и знания для всякого мыслящего субъекта, способного познавать истину. Таково, говоря вкратце, логическое обоснование базового общего и кратчайшего определения истины как абсолютного содержания мышления (см. §16 «Что есть истина» книги «Бог»).

Истина познается человеческим разумом отраженным образом посредством логики как логически правильное (логичное, а не алогичное) смысловое содержание истинных (а не ложных) понятий, составляемых нашим разумом обо всем, и истинных (а не ложных) идей, приходящих нам на ум. Можно сказать без боязни сильно ошибиться, что творческие идеи имеют абсолютное и внедушевное происхождение как абсолютная истина, логически упакованная в истинных идеях и распаковываемая (отражаемая) человеческим разумом в пути познания и на поприще истинного творчества (см. опр. 21.2 «Творческая идея» в книге «Бог»).

Человеческий разум, составляющий мыслящее естество души, производит душевную работу по реализации творческих идей и функционирует при этом как более или менее качественный приемник и отражатель, проводник и транслятор истины, упакованной в идеях и претворяемой в мир как абсолютный проект мировой реальности, осуществляемый через творческое мышление человека в меру его творческих способностей, называемых талантами.

Затронутый в суждении 1 дуализм умных и глупых сновидений логически аналогичен дуализму творчества и псевдотворчества.

В этой связи возьмем первым делом в толк то, что источник подлинного творчества абсолютен и выходит за рамки души как абсолютная истина, содержащаяся в творческих идеях свернутым логическим образом и транслируемая душой из абсолюта в мир путем правильной реализации идей, а источник псевдотворчества вряд ли выходит за рамки души: каждый из нас сам есть тот резервуар, откуда берутся псевдотворческие идеи вместе с прочей чепухой, взбредаящей нам на ум.

Ничто не мешает рассудить по аналогии, что душевная программа, создающая глупые сны, смысловое содержание для них черпает из того, что есть в душе, но не из внедушевного источника, зато смысловое содержание умных снов в той мере, в какой они аналогичны произведениям искусства, берется, надо полагать, из стороннего (потустороннего) источника и попадает в душу как в приемник и транслятор, подобно тому как из внешнего источника попадает сигнал в телевизор и в компьютер, подключенный к интернету.

Если источник умных сновидений не абсолютен (не внемирен), то он находится в мировом духе и в так называемом духовном мире, откуда заявился Спиридон, как утверждает он сам.

И стало быть (вывод в логических рамках суждений 1-2), спиритическая диктовка может транслироваться душой медиума из внедушевного (потустороннего) источника, как и сновидения, но не всякие, а умные.

И не всякую диктовку логика позволяет идентифицировать идущей из потусто-

ронного источника, а в первую очередь такую, как Спиридониада, принципиально отличная от спиритического вздора, надоедавшего Аксакову.

Но: надо полагать, что все спиритические явления в какой-то мере обусловлены сторонним (потусторонним) воздействием, иначе это не спиритические явления.

Суждение 3. СПИРИДОНИАДА ЕСТЬ ТРАНСЛЯЦИЯ

Если бы Спиридониада приснилась Аксакову, то Спиридон был бы персонажем философско-мистической пьесы в умном сновидении, но Спиридониада не сон, и Спиридон скрывается за порогом сознания в душе медиума не как тот, кто грезится медиуму и всем трем присутствующим во сне или в трансе, а как невидимый собеседник, складывающий указкой сообщения из букв через двух разумных проводников (медиумов), пребывающих в полном сознании и сознающих, что это не они, медиумы, беседуют с Аксаковым посредством спиритической планшетки, а некий четвертый субъект, реальный или иллюзорный, но иллюзорный не так, как персонаж сновидения, а приблизительно так, как компьютерная Алиса, то есть как имитация субъекта.

Имитировать мыслящего субъекта — это все равно что играть роль субъекта, так что возникает вопрос и об актере, играющем роль.

Если актером, играющим роль Спиридона, выступает душа одного из двух присутствующих медиумов, а точнее, дух души как бессознательный субъект и живой транслятор, скрытый за порогом сознания, то этим еще ничего не объясняется, и антитиспириты во главе с Гартманом зря обольщались такой вероятностью, ибо: живая и высокоинтеллектуальная речь Спиридона, будь сам он субъект или имитация субъекта, не есть речь медиума и логически складывается по буквам не медиумом и не душой медиума, выходя за пределы души медиума, аналогично тому как выходит за пределы души смысловое содержание умных снов, происходя из внедушевного источника как то, что транслируется (а не создается) душой в самой себе и созерцается сновидцем как привнесенное в душу через некий внутренний вход.

Если Спиридон не есть субъект, а есть имитация субъекта, то, положим, позволительно будет условно или даже, не суть (не это тут главное), буквально считать дух медиума актером, играющим роль Спиридона за порогом сознания, но этот скрытый от всех троих присутствующих актер, извините за каламбур в манере Спиридона, не знает текста без сурфлера и является машинальным (роботическим) транслятором стороннего (потустороннего) мышления, так что даже указкой водит по алфавиту не сам медиум (хоть один из двоих, хоть оба вместе), а некая сторонняя (потусторонняя) сила через душу как через проводник.

В Спиридониаде медиум по-любому, как ни крути и с какого боку ни гляди, есть проводник, приемник и транслятор стороннего (потустороннего) мышления, идущего из внедушевного источника. И стало быть, основной вопрос Спиридониады, кто или что есть Спиридон, логически эквивалентен вопросу: кто или что является внедушевным разумным источником Спиридониады, то есть разумным источником сообщений, диктуемых через медиума от имени Спиридона, точнее, от условного имени, коль скоро источник так и не назвался своим настоящим именем.

Суждение 4. УСЛОВНЫЙ СПИРИДОН ПРОТИВ УСЛОВНОГО СОЛЯРИСА

Вырисовываются два варианта ответа на вопрос, что представляет собой потусторонний источник Спиридониады, самоназвавшийся Спиридоном. Вариант №1 извлекается из самопрезентации этого источника как мыслящего субъекта, родственного человеку по своей разумной природе, как утверждает сам Спиридон и что похоже на правду, если судить только по живой речи Спиридона, сходной до неотличимости в тексте Спиридониады с живой человеческой речью, производимой человеческим разумом как способностью субъекта к мышлению, реализуемой в сознании, но не вне сознания, как речь сомнамбулы и робота.

А раз Спиридон настойчиво называет себя «экс-человеком», то и это самосвидетельство следует учитывать при осмыслении ответа на основной вопрос Спиридониады по варианту №1. Если это самосвидетельство окажется неправдой, то невелика цена и всех прочих свидетельств Спиридона обо всем, о чем он высказывается с категоричностью неземного мудреца, превосходящего и Аксакова, и Сократа, и любого человека умом и знаниями, хотя демонстрация ума Спиридоном в диалогах с Аксаковым заметно уступает демонстрации ума Сократом в передаче Платона, и никаких особенных знаний о мире, о боге, о человеке и о самом себе, Спиридоне, Спиридон не обнаруживает.

Если Спиридон и впрямь есть мыслящий субъект, то он сильно отличается от нас, людей, не умом, а телом, точнее, отсутствием тела, а именно физического тела.

Вариант №1 ответа на основной вопрос Спиридониады обозначается, стало быть, условным именем Спиридон, имея в виду под ним мыслящего субъекта из духовного мира, а базовое обозначение варианта №2 — имитация субъекта.

Кроме базового обозначения, вариант №2 (имитационный) можно метафорически обозначить условным именем Солярис, ввиду того что в знаменитом философско-фантастическом фильме «Солярис» воскрешаемые люди подобны материализованным спиритическим существам, таким как Кэти Кинг, Иоланда и сфотографированный Аксаковым бородач.

Разумная планета Солярис фантастична, но не настолько, как кажется по сюжету фильма. Разумность есть сознательность, и наоборот: наличие сознания есть наличие разума как способности к мышлению, реализуемой в сознании и отличающей мыслящего субъекта как самосознательного объекта, в противоположность сомнамбуле и роботу, в силу тождества мыслящего субъекта и сознания (см. теорему тождества субъекта и сознания: тео-теорему 9 в §3 «Тео-теоремы»).

Приписать планете разум — значит приписать планете сознание и считать планету самоотждественной в сознании, где планета есть мыслящий субъект и нематериальная живая сущность, а не небесное тело (физический объект). Таким же логическим образом человек разумен не как физическое тело (не как организм с серым веществом в мозгу и не как само это серое вещество, где многие нынче ищут самого себя от большой учености), а как самосознательный субъект, сущий в сознании и имеющий духовное (нематериальное) естество.

Вот почему Солярис фантастичен, читай: нереален. Но Солярис фантастичен не напрочь и не так, как пустая выдумка, а как интересный художественный вымысел, имеющий отдаленный аналог в реальности и используемый художником как способ иносказательно осмыслить нечто существенное в бытии.

Для приближения Соляриса к реальности надо лишить Солярис разума и приравнять Солярис к сомнамбуле, самоидентичной не как физический объект (планета), а как, с позволения сказать, планетарный дух, с позволения сказать, напичканный жизнетворящей программщиной, функционирующей автономно по отношению к программисту, который есть бог.

NB: планетарный дух под условным именем Солярис — это здесь всего лишь метафора, не более того, это даже не гипотеза, ибо: имеется в виду планетарная локализация мирового духа, который тотален во вселенной как эманация абсолютного духа вовне бога и вместе с тем как творящее мышление бога, обращенное вовне бога — в космическое пространство, которое есть пустотный дух как поле абсолютного мышления, вершащегося как формообразование в духе, то есть как создание в духе форм духа, точнее, форм мирового духа, двояких как материальные и нематериальные вещи, составляющие мир.

Все существующее и происходящее в мире есть производное или форма мирового духа, который нельзя мыслить как то же самое, что абсолютный дух, самоотждественный вне мира в абсолюте как ипостась бога. Мировой дух, коль скоро он самоотждествен в мире, а не вне мира, следует мыслить как мировую эманацию и как эманационную противоположность абсолютного духа по принадлежности к миру, но не к богу.

Всякий дух, кроме абсолютного, есть мировой дух, разнящийся в своих же формах, живых и неживых, нематериальных и материальных. К живым формам мирового духа относятся разумные живые существа, известные нам, людям, в нашем собственном лице.

Человек есть не только творение (как сотворенное сущее), но и участник творения, подобный своему создателю как тот, кто мыслит сам и сам (в силу свободы воли и способности к мышлению) творит реальность или участвует в сотворении реальности в масштабе личного бытия и в масштабе человеческой цивилизации.

Аксаков является соавтором (сотворцом) Спиридониады как один из двух создателей ее, а другой и главный создатель Спиридониады есть, по варианту №1 (субъектному), Спиридон как мыслящий субъект, а по варианту №2 (имитационному), соавтор Аксакова отдаленно аналогичен сомнамбуле и роботу-автоответчику вроде компьютерной Алисы, но масштаб спиритического аналога несоизмерим с Алисой: имеется в виду грандиозная космическая сомнамбула, напоминающая условный Солярис, имея планетарный масштаб как мировой дух, локализованный в околоземном пространстве как программно-организационная основа всей планетарной жизни, а не только лишь того, что происходит на спиритических сеансах.

Всякий дух сомнамбуличен и самоидентичен за порогом сознания, ибо, если исходить из базовых определений в философской системе фундаментальной теологии, дух не есть мыслящий субъект, а есть мышление субъекта, который есть абсолютный разум: бог.

Мировой дух подлежит определению в первую очередь как творящее мышление

бога и как эманация абсолютного духа вовне бога в акте творения, то есть как мыслительное действие абсолютного разума, длящееся в пространстве и времени как мировой процесс творения, а говоря конкретней — как формообразование в космической пустоте с результатом в виде вселенной как плода творения.

Как нечто запрограммированное по законам природы и по проекту творения мировой процесс творения вершится, попросту говоря, автоматическим образом как работа программы творения. Поэтому, если Спиридон не есть субъект, то он есть программная имитация субъекта, отдаленно аналогичная компьютерной Алисе и порожденная условным Солярисом как программно-роботическая форма мирового духа, который и есть условный Солярис, имитирующий Спиридона-субъекта и диктующий Спиридону через душу медиума как через транслятор.

Суждение 5. ВАРИАНТ №1: СПИРИДОН-СУБЪЕКТ

Поскольку Спиридон, назвавшись «экс-человеком», не сообщил в пояснение ничего внятного о том, что собой представляет «экс-человек» и чем он отличается от человека, постольку приходится домысливать, что это гипотетически или реально могло бы быть: «экс-человек».

Первым делом надо произвести логическую операцию, состоящую в мысленном отделении души от физического тела, что в реальности происходит с каждым человеком в момент смерти с неизвестной дальнейшей судьбой души по двум основным вариантам: либо исчезновение души путем слияния со своим духовным источником, либо продолжение существования души каким-то способом, например, путем реинкарнации (один способ) или по типу бесплотного Спиридона-субъекта (другой способ).

Доказательная фактология ПП (прижизненных призраков) и ВНО (внетелесного опыта), представленная фактами прижизненного раздвоения физического и духовного тела человека на некоторое, не суть, что короткое, время (см. фактологическое предупреждение №2 «Духовное тело»), позволяет уверенно говорить, что душа человека (а с ней и сам человек) в принципе может пребывать в развоплощенном (бестелесном) состоянии, по крайней мере, в качестве сомнамбулы (типа сомнамбулы Дюрвиля), то есть как дух, находящийся вне сознания, как и вне физического тела, и некогда получивший название астрального тела, но логически более точный термин: духовное тело.

Спиридон-субъект лишен физического тела, но должен иметь духовное тело как свое духовное естество и заодно как духовное (нефизическое) вместилище самого себя, коль скоро он есть дух как живая сущность, суцая в мире и перемещающаяся в мировом пространстве. Всякое сущее, находящееся в мировом пространстве, заполняет собой некоторый пространственный объем и в каждом моменте времени вписано в этот объем как то, что называется телом или объектом, и если это не есть физический пространственный объект, то это есть нефизический пространственный объект, в данном случае — духовное тело как дух субъекта и как сам субъект в своем духовном естестве: субъект в ипостаси духа.

Всякая живая сущность есть дух, но не всякая живая сущность обладает разумом и есть мыслящий субъект как обладатель разума, что хорошо заметно по разнице между человеком и животным. Мыслящий субъект есть мыслящая (разумная) живая сущность. Животный дух (дух животных) есть немыслящая (неразумная) живая сущность, лишенная разума, ибо лишенная способности переходить порог сознания, каковой способностью обладает человеческий дух, раздвоенный по стороны порога сознания как бессознательный субъект (сомнамбула) и как самосознательный субъект.

Ибо: человеческий дух одушевлен и двоичен как дух организма и дух души, а душа двуипостасна по стороны порога сознания как дух, суцый за порогом сознания в качестве сомнамбулы, и как претворенный в сознание и приведенный в тождество с сознанием дух, являющийся, отождествившись с сознанием, уже не духом, а сознанием в качестве самосознательного субъекта, сознающего себя и, сознавая себя, пребывающего в сознании, как в самом себе.

Ипостаси души подлежат определению как дух души и сознание души, где сознание души есть приведенный (читай: претворенный: превращенный: преобразованный) в сознание дух души, который, переходя порог сознания, приводится в сознание и переходит в режим самосознательного мышления, каковое обращено на само себя как на мыслимый объект и есть само сознание как мысленно созерцающее себя, то есть сознающее себя, живое сущее (читай: мыслящий субъект), а не сомнамбула, не сновидец, не робот типа компьютерной Алисы и не животный дух, который есть немыслящая живая сущность организма (дух организма).

Спиридон как мыслящий субъект (по варианту №1) невозможен в принципе вне сознания, то есть в качестве сомнамбулы (это не субъектный, а имитационный вари-

ант №2). Спиридон возможен принципиально так же, как возможен человек разумный, обладающий разумом в своей душе, а точнее, в сознании души как способностью к мышлению, реализуемой в сознании, когда ты осознаешь себя и можешь осознанно и осмысленно сказать: аз есмь: я существую. Если угодно: когито эрго сум. Вполне логичное изречение.

И если Спиридон говорит правду, что он есть «экс-человек», то Спиридон-субъект есть развоплощенная душа человека, лишенная физического тела, но имеющая духовное тело как форму существования в духовном мире и мировом пространстве в ипостаси духа (читай: в качестве духа: как дух), а в ипостаси сознания должностная иметь личностную форму как особенное мыслящее «я» с индивидуальными (личностными) особенностями, заметными, в частности, по манере общения, по образу мыслей, по стилю речи.

Доказать субъектность Спиридона — значит доказать тождество субъекта и сознания применительно к Спиридону посредством логического анализа текста Спиридониады, содержащего все вещдоки и весь возможный доказательный материал, за исключением других свидетельств, кроме диктовки, записанной Аксаковым. Аксаков пришел к выводу, что субъектность Спиридона недоказуема, о чем говорил и сам Спиридон в последних диалогах, хотя он же сообщал в первых диалогах, что доказать себя ему, мол, нетрудно, да нет охоты, и что он-де уж доказал себя, да Аксаков не заметил.

Аксаков достаточно проницателен, чтобы понять, сколь трудную логическую задачу представляет ответ на вопрос, кто или что есть Спиридон. Но если есть вопрос, то есть и ответ. Для отыскания его не помешал бы **специальный логический анализ** Спиридониады, произведенный с применением специальных логических методов, позволяющих делать верные и веские умозаключения за и против субъектности Спиридона.

В этом фактологическом предуведомлении №3 произведен **общий логический анализ** Спиридониады, позволяющий составить общее впечатление о том, с чем мы тут имеем дело, и определить с основными вариантами решения задачи, которых в результате общего анализа просматривается два альтернативных, но при специальной разработке каждого, может стать, всплывут и другие варианты.

Суждение 6. ВАРИАНТ №2: ИМИТАЦИЯ СУБЪЕКТА

Если Спиридон не есть субъект, то, скорее всего (то бишь по наиболее логичному предположению, выявляемому общим логическим анализом), Спиридон есть живая имитация субъекта, представляющая загадку природы, которую требуется разгадать в порядке миропознания.

По варианту №2 (имитационному), есть логическая необходимость в программном источнике Спиридониады, находящемся вне души медиума и посылающем сообщения через транслятор (душу медиума) по типу роботических ответов на вопросы и откликов на запросы, как это делает компьютерная Алиса, но Алисе далеко до Спиридона по уровню имитации живого разговора, а вместе с тем и имитации самосознательного субъекта, который, кроме всего прочего, способен читать мысли участников сеанса.

По варианту №2, внедушевный источник Спиридониады, создающий имитацию субъекта, и сам тоже не есть мыслящий субъект, иначе это был бы Спиридон-субъект либо сам бог, но вряд ли это сам бог говорит устами медиумов, особенно когда диктуется сущий вздор и бред. А значит, по варианту №2 (безличностному) потусторонний источник Спиридониады, выражаясь упрощенно по напрашивающейся аналогии с компьютерной Алисой, есть нечто программное, заложенное в программно-организационном механизме живой природы и способное спиритическим способом имитировать разум и разумную речь, подобно тому как искусственный интеллект имитирует разум и разумную речь, не будучи разумом, а будучи программным продуктом разума.

Вообще-то имитация разума наблюдается повсюду в живой природе, например: инстинктивное поведение животных выглядит так, словно животные обладают разумом и проделывают разумные действия, но это есть иллюзия, коренящаяся в разумной организации всей мировой природы и в том числе мира животных как царства так называемых инстинктов, управляющих неразумными существами, как если бы те были разумными, так что бессознательные действия животных выглядят умней сознательных поступков людей.

Если, дабы подчеркнуть масштаб спиритических загадок, применить к программному источнику Спиридониады метафору Соляриса — это все равно что переименовать Спиридона в Соляриса, подразумевая под Солярисом, в узком смысле, то, что составляет программно-духовную подоплеку спиритических явлений, а в широком смысле, то, что составляет программно-духовную основу всей планетарной жизни и работает так, как работает разум, но это есть не разум (программист), а нечто прису-

щее разуму (и духу) — программа творения и запрограммированность мирового духа в планетарном измерении.

Потусторонний источник Спиридониады по обоим вариантам разумен, но по варианту №1 (субъектному), он есть Спиридон-субъект и разум Спиридона как собственная способность субъекта к мышлению, реализуемая субъектом в сознании, но не вне сознания, а по варианту №2 (имитационному), источник Спиридониады не есть самосознательный субъект и не есть разум, а есть, говоря по аналогии, некий живой аналог искусственного интеллекта, обозначаемый (по аналогии) простым термином: программа творения.

Если мировой процесс творения запрограммирован, то он вершится автономным (относительно творца) и автоматическим образом, наподобие того как автономно работает компьютеризированная машина, как будто бы сама собой с виду. Из такого рода видимости проистекли философски примитивные представления пантеистического, эзотерического и физико-математического типа о разумной вселенной и о разуме вселенной, у которой, на самом деле, разума быть не может, как нет разума у компьютера и робота.

Но: все, что создается и функционирует в мировой природе запрограммированным образом, как, например, создается и функционирует наш организм по программе, называемой генетическим кодом, — это есть результат программного мышления абсолютного разума, где программность мышления есть его закономерность, то есть его обусловленность программой творения, а чуть строже говоря — абсолютной идеей (проектом) творения и законами природы, которые действуют в мире как абсолютный разум, творящий мир, и как абсолютная истина в качестве логики, придающей закономерный (и программный) порядок творящему мышлению (см. §18 «Логика» книги «Бог»).

Работа абсолютного разума по программе творения логически эквивалентна работе программы творения, а автономность программы творения логически эквивалентна программному автоматизму мышления, о чем мы, разумные существа, можем судить по аналогии с автоматизмом собственного мышления, в том числе сознательного мышления, автоматизм коего не противоречит принципу свободы воли, так что человек способен контролировать собственные автоматические действия и вносить волевые поправки в автоматизм собственных действий посредством волевых решений, волевого выбора и волевых актов.

К слову сказать, не на пустом месте некогда возникла философская дискуссия о том, насколько процесс творения автономен относительно творца и вмешивается ли бог в закономерный ход вещей, предопределенный законами природы и проектом творения как судьба (см. §15 «Судьба» книги «Бог»).

В завершение суждения 6 заметим, что в пользу программной имитации субъекта в тексте Спиридониады наблюдается ряд броских и как будто заданных по сценарию (по программе) ограничений в умственных способностях и в смысловом содержании сообщений потустороннего персонажа (Спиридона). Исчислим эти ограничения в отдельном пункте по трем параметрам.

Суждение 7. ОГРАНИЧЕННОСТЬ СПИРИДОНА

1) Ограничение Спиридона временем

Спиридон производит впечатление образованного современника Аксакова, легко и свободно изъясняясь письменно на русском языке в его классическом формате, сложившемся в 19-м веке под изрядным влиянием русской классической литературы, которая со 2-й половины 19-го века поныне содержит в себе эталон правильной и изящной русской речи.

Разговорная русская речь, чем дальше от 19-го века, тем больше отличается от эталонного языка, каким разговаривали образованные индивидуумы в золотом веке культурного расцвета России (19-м), в том числе что касается собеседников Спиридониады. Так сегодня уже не говорят, и так еще не говорили в России в 18-м веке, имея в виду заметную разницу в слововыражении, в словарном составе языка, в построении фразы из слов.

Спиридон к тому же блещет знанием европейских языков наравне с Аксаковым, сыпля французскими и латинскими цитатами и выражениями, ходкими в русском обществе золотого века, но ни разу не переходит, к примеру, на давно вышедший из употребления старославянский, чем он мог бы поразить Аксакова не меньше, нежели цитированием сентенциозных мотто из книги Вихмана (см. примечание Аксакова к диалогу III).

Цитируемые Спиридоном тексты и авторы относятся к прошлому или к настоящему с верхним ограничением конечной датировкой Спиридониады: 1885. Спиридону

открыт доступ к сознанию присутствующих и к каким-то другим человеческим источникам информации, относящимся к прошлому и настоящему, но не к будущему.

«Экс-человек» Спиридон, храня инкогнито, не обмолвился ни словом насчет исторического времени, в котором он жил во плоти, и если Спиридон есть имитация субъекта, то эта имитация похожа на то, как писатель создает литературный персонаж, встраивая его в определенную эпоху и заставляя говорить языком эпохи, а в данном случае, это эпоха Аксакова.

Трудно заметить в сообщениях Спиридона что-либо, указывающее на то, что их индивидуальный или индивидуализированный источник порожден другой эпохой или принадлежит к другой эпохе, например, к эпохе Кромвеля, как Кэти Кинг, по ее собственным уверениям. Спиридон сильнее, чем сентенциозными мотто, поразил бы Аксакова свидетельскими сообщениями об эпохе, в которой он жил в человеческом облике, но бывший, как он сам представился, человек Спиридон молчит, как партизан, по поводу своей прошедшей человеческой жизни, вызывая резонное подозрение, а была ли она вообще, эта жизнь, и если нет, то отсюда недалеко до умозаключения, что нет и самого Спиридона как субъекта, а есть имитация субъекта, похожая на литературный образ.

Указанное сходство между созданием литературного образа в художественном тексте и созданием (по имитационному варианту №2) образа Спиридона в тексте Спиридониады может (теоретически) корениться там же, откуда приходят на ум человеку творческие идеи и облекаются в образы литературных персонажей, которые под талантливим пером, что называется, оживают и сходят со страниц романа, словно живые представители своей эпохи. Вот и Спиридон — как живой персонаж, который, по варианту №2, создан как программная имитация и языковая копия образованного русского человека времен золотого века России, как если бы существовал реальный Спиридон во плоти среди современников Аксакова в качестве оригинала, с коего списан персонаж.

2) Ограниченность познаний Спиридона

Познания Спиридона о мироустройстве вряд ли простираются дальше научных достижений человечества на момент создания Спиридониады (1883-85), и даже можно смело умозаключить из текста Спиридониады, что Спиридон не знает ничего такого, что сегодня тут знает каждый школьник о мировой природе из учебников точных наук.

Бесплотный мудрец, совершающий космические путешествия без корабля с планеты на планету, где он (цитата) «малость сам себя выгуливал», не сообщает ровным счетом ничего о посещаемых планетах и вообще о каком-либо устройстве космоса. Это умолчание весьма благоразумно, памятуя, каким бредом полна эзотерическая литература на тему астральных путешествий вне тела, но если уж сказал «а», говори и «б»: говори подробно. Подробности Спиридон может умалчивать по одной из двух причин: либо нечего сказать, в силу элементарного незнания, либо межпланетный бестелесный путешественник соблюдает некий запрет на разглашение тайн мироздания. Более вероятным представляется, конечно, первое (незнание истины), нежели второе (табуирование истины).

Как бы то ни было, да пусть хоть второе, хоть еще и третье какое-либо, но откуда такое высокомерие? Спиридон то и дело высказывается о людях как о недоразвитых (бишь стоящих на низкой ступени эволюции) невеждах и бестолочках, до которых невозможно донести истину, каковой невозможностью Спиридон так упорно и даже топорно извиняет свою ужиную изворотливость под вопросами Аксакова, что это, в конце концов, даже не смешно, а грустно от разочарования пьесой одного актера, стоящего в выпендренной позе неземного учителя, ничему не учащего и ничего не объясняющего, а только интригующего и пускающего пыль в глаза при помощи таланта каламбуришь.

Сразу отмеченная человечность Спиридона как близкородственного человеку субъекта (реального или имитируемого) — импонирует, как импонирует положительный литературный герой, а тут герой еще и ведет живой диалог с собеседником. Немудрено, что Аксаков проникается лучшими чувствами к Спиридону, это заметно, и заметно, как под их влиянием Аксаков теряет исследовательскую дотошность и попустительствует ужиной изворотливости Спиридона, вместо того чтобы, во имя истины святой, хладнокровно, методично, без эмоций загонять ужа в угол расчетливым допросом, исключаящим увертки.

Когда вы задаете компьютерной Алисе вопрос, ответ на который не забит в программу, Алиса выдает какую-нибудь стандартную фразу, заложенную программистами и зачастую построенную с юморком. Вот и Спиридон уходит из вопросов с юморком, но не так, как неживая Алиса, легко узнаваемая в качестве робота, а так, как

живой человек, находящийся в своем уме и сознании и юморящий пусть ничуть не остроумней, чем Алиса, но очевидно, что человек делает это сам своим собственным умом, находясь в себе и в сознании, а не как Алиса по программе и не как загипнотизированная сомнамбула по установке гипнотизера.

Отшучиваться от вопросов и стараться казаться умней, чем есть, — это так естественно для человека, а засим каламбурная изворотливость Спиридона и умный вид, не подкрепленный высказываемой истиной, естественны, извинительны и милы, только если Спиридон есть близкородственный нам субъект, а не имитация субъекта, которая есть здесь обмен присутствующих на спиритическом сеансе лиц: розыгрыш: мистификация. А смысл?

Прежде чем ломать голову над смыслом столь интригующего обмана, не худо сперва констатировать факт имитации (вариант №2). Ибо если она не факт, а факт — противоположный вариант №1 (субъектный), тогда отпадает вопрос о смысле имитации как бессмысленный вопрос о смысле того, чего нет в реальности и что лишено смысла как то, что лишено реальности.

3) Философская ограниченность Спиридона

Не раз отмечался в схолиях очень слабый уровень философских конструкций в речи Спиридона. Что бы это значило?

По варианту №2 (имитационному), это означает, что в программу имитации не забота способность складывать фразы на философском уровне мышления. Это несколько сложнее, чем каламбурить, иначе каждый изрядный остряк тут был бы таким же философом.

По варианту №1 (субъектному), весьма подозрительно выглядит то, что неземной интеллект грешит тривиальной софистикой, чертополошной в человеческих умах, и не обнаруживает умения грамотно и ясно формулировать философские мысли, для чего нет нужды блистать философствованием экспромтом в режиме живого диалога. В этом вряд ли был таким уж мастером и Сократ, от чьего лица философствовал Платон не экспромтом и не как стенографист, а как оригинальный автор в письменной форме, продуманной заранее. От Спиридона требовалось обстоятельно и рассудительно, не неряшливо и не барабанно (неторопливо) высказать продуманные философские тезисы, когда Аксаков затрагивал фундаментальные (читай: философские) вопросы бытия, а он затрагивал их регулярно.

Если главного героя диалогов Спиридониады (Спиридона) сопоставить с главным героем диалогов Платона (с Сократом) по смысловому качеству философствования, это земля и небо, где земля — Спиридон, хотя он на небе, а небо — Сократ, хотя от на земле.

Спрашивается: с какой стати этот сомнительный (как таковой) субъект держится с таким нескромным видом, будто бы он на голову умней любого из людей? Да ни с какой, ибо: де-факто Спиридон не обнаруживает заметного умственного превосходства над человеком.

По тексту Спиридониады можно уверенно заключить, что спиридонианский разум эквивалентен человеческому разуму текущей эволюционной формации.

Суждение 8. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СХОЛИЯ

Выполненный в схолиях к диалогам Спиридониады общий логический анализ позволяет выявить два основных варианта ответа на вопрос, кто или что есть Спиридон, но не позволяет сделать теоретический выбор в пользу одного из двух:

Вариант №1: Спиридон есть бесплотный самосознательный субъект, близкородственный человеку в своем духовном естестве.

Вариант №2: Спиридон есть некая имитация субъекта.

Исходя только из текста Спиридониады, либо вообще невозможно установить истину, либо возможно каким-либо специальным методом.

Существенно облегчить логическую задачу по разгадке загадки Спиридониады могла бы (как в одном месте обмолвился и сам Спиридон) спиритическая материализация Спиридона, как в случае Кэти Кинг.

Но: спиритическая материализация сама по себе недостаточна для умозаключения, является ли спиритическое существо, внешне неотличимое от человека, самосознательным субъектом, а не имитацией субъекта в качестве некоего живого робота.

Ибо: **доказательство субъектности спиритического существа и спиритического собеседника есть доказательная демонстрация тождества субъекта и сознания** применительно к этому существу и собеседнику, будь то бес-

плотный дух, как Спиридон, и будь то воплощенная копия человека, как Кэти Кинг, Иоланда и бородач, сфотографированный Аксаковым.

Не считая материализации, существенно облегчить задачу по разгадке загадки Спиридониады могло бы иное построение диалогов, совсем не такое, как в стенограммах Аксакова, а такое, каким исключаются спиридонианские увертки от вопросов, устанавливающих личность и самосознательность (субъектность) спиритического собеседника, невидимого, как Спиридон, или видимого, как Кэти Кинг, Иоланда и бородач, сфотографированный Аксаковым.

Установлением тождества субъекта и сознания исключается сомнамбулическая и роботическая сущность и подтверждается мыслящая (разумная) сущность спиритического собеседника, принципиально такая же, как мыслящая (разумная) сущность человека.

Мыслящая сущность человека есть душа человека, которая самотождественна в сознании как самосознательный субъект, зовущий себя человеком, и не тождественна самой себе за порогом сознания как сомнамбула, сновидец и бессознательный субъект.

Бессознательный субъект, строже говоря, есть не субъект, а дух как немыслящая живая сущность, которая не обладает ни разумом, ни волей, ни собой, пребывая вне сознания, все равно что вне себя и вне бытия, ибо бытие мыслящего сущего есть пребывание в сознании наяву и в состоянии сознательного мышления, а не сомнамбулического и сновидческого.

По варианту №1 (субъектному) Спиридон есть душа как бесплотная мыслящая сущность, лишенная физического тела, но не лишенная духовного тела как дух, а точнее — одушевленный дух, который есть душа, суцая двуипостасным образом: в ипостаси духа и в ипостаси сознания, где сознание есть она сама, душа, как самосознательный субъект.

По варианту №2 (имитационному) Спиридон есть иллюзия души, напоминающая, кроме прочего, представление материалиста о собственной душе как об иллюзии, созданной в человеческом мозгу, подобно тому как в компьютере создана иллюзия разума, называемая искусственным интеллектом.

«Коли вы так умеете рассуждать, скажите просто — кто же вы?» — воскликнул Аксаков, попав на спиритический спектакль, а в ответ — смех, если охарактеризовать одним словом ужиные, лицедейские, каламбурные увертки Спиридона.

Если вы внимательно и вдумчиво читали Спиридониаду, вы должны были ощутить себя попавшим на какой-то спектакль и расслышать лицедейский смех, облеченный в форму каламбурных и софистических рассуждений, уводящих от вопроса, а кто это, собственно, лицедействует, каламбурит и шутя уходит от вопроса: «Кто же вы?»

А вы, читающий (-ая) эти строки, никогда не задавали самому себе аналогичный вопрос: «Кто я?» Отыскание ответа на этот вопрос есть самопознание и познание души как самого себя, сущего в душе своей как претворенный в сознание дух души и как мыслящее «я» души, которое есть личностная форма души, одним словом — личность, а другим словом — субъект.

Фактологическое предуведомление №3 «Спиридониада» со схолиями — это пища для размышления не столько над загадками спиритизма, сколько над загадками человеческой души и духа в логическом русле самопознания, а уход человека от философского вопроса о душе и духе — смеху подобен, как смеху подобен уход Спиридона от вопроса Аксакова: «Кто же вы?»

Продолжение следует